

Ученые записки

**ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра английской филологии

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 197

ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1973

В работе "Проблемы английской филологии" рассматриваются следующие вопросы: стилистическое употребление диалектизмов и окказиональных фразеологических единиц, грамматические дистрибутивные формулы идиом, некоторые образования имен существительных и проблемы консонантизма.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих вопросы грамматики, лексикологии и фонетики.

© Редакционно-издательский отдел ЛГУ им.П.Стучки, 1973 г.

В 0-7-I-4-106y 413-73
М 812(II)-73

LVU ZNATNICKA
BIBLIOTEKA
v 2224-7-13
200024015

DIALEKTISMI H. FILDINGA UN T. SMOLETA ROMĀNOS

Dialektismiem kā stilistiskam līdzeklim angļu literatūrā ir senas tradīcijas un gara vēsture. G. Bruks¹ uzskata, ka jau Čosers savā "Reeve's Tale" izmanto dialekte elementus ne tāpēc, ka literārajā valodā trūktu attiecīgā vārda, bet gan lai panāktu zināmu stilistisku efektu – pārsteigtu lasītāju, individualizētu varoņus. Labi apzinādamies, cik piesardzīgam jābūt, pielāgojot mūsu, 20. gadsimta humora izjūtu pagātnes literatūrai, G. Bruks tomēr uzskata, ka Čosers divu ierādņu mutē licis ziemeļu dialektu ar nolūku radīt komisku efektu. Dialektismi sastopami arī T. Delonija "Njūberijas Džekā" un E. Spensera "Gana kalendārā".

16. gadsimta otrajā pusē dialektu elementi parādās angļu drāmā.² Šekspīrs tos izmantojis savā "Karali Lirā", "Indriķi V", "Jautrajās vindzorientēs". Taču dialektismu izmantojums šeit neliecina par kaut cik mērķtiecīgu materiāla atlasīšanu, ievērojot personāžu tekstā vai noteiktiem principiem. Autoru mērķis nebija tuvināt savu varoņu valodu dzīvajai angļu valodai.

Vēlākajos gados dramaturgi bieži izmanto skotu, iru un velsiešu izrunas īpatnības, kā arī citas dialektu iezīmes, ta radīdami īpašu skatuves žargonu, kam ar dzīvo valodu bija vissi maz kopēja.

¹ B r o o k G. L. English Dialects. Oxford University Press, 1963, p. 203.

² P a n n i n g E. Dialektisches English im Elisabethanischen Drama. Halle, 1884.

E c k h a r d t E. Die Dialect- und Ausländertypen des älteren englischen Dramas. Bd. I. Lōwen, 1910.

Angļu romānā dialektismi parādās 18. gadsimtā, un par to jāpateicas Henrijam Fildingem (1707 - 1754).

Fildinga daiļrade angļu literatūrā iezīmē agrā kritiskā realisma virsotni un dod daudz pilnīgāku un spilgtāku ainu par sava laika sabiedrību un tās tikumiem nekā to spēja viņa laikabiedri un priekšteši. Fildings pats sevi uzskatīja par satirīki, kurš cīnās par sava laika tikumu uzlabošanu, taču viņa nozīme kā angļu, tā pasaules literatūrā tālu pārsniedz šīs šaurās robežas. Tikai viņš īsti iedzīvina realitisko romānu, kaut arī pirms viņa to pārstāv tādi izcili rakstnieki kā Defo, Ričardsons, vēlāk Smolets. Viņa rakstības veids apvieno sevi gan sadzīves, gan psiholoģisko realismu. Viņa uzmanības centrā arvien ir cilvēka daba.¹

Taču, kaut gan Fildinga attieksme pret dzīvi ir kritiska un satirai viņa daiļradē pieder svarīga loma, tā reti kad ir kodīga, un no viņa plašā personāžu klāsta tikai nedaudzi ir spilgti negatīvi. Tas izskaidrojams ar to, ka Fildinga pasaules uztvere un līdz ar to arī viņa māksla (izņemot dzīves pašus pēdējos gadus) ir dziļi optimistiska. Viņš ir īsts apgaismības laikmeta dēls - pilns neatslābstošas enerģijas, spars, dzīves prieka. Un, kā protestējot, tieši dzīves vissmagākajos brīžos, trūkuma un slimību mākts, raksta savus optimistiskākos darbus - gluži tāpat kā Mocarts.

Fildinga romāni "Džozefs Endrūss" un "Toms Džonss" ir tik pilnīga 18. gadsimta vidus angļu dzīves panorāma, kādu nespētu dot neviens vēsturnieks. Tie aizved lasītāju gan zemnieku sētā, gan lauku muižnieku muižā, iepazīstina to ar parastām mazpilsētās un Londonā, ļauj ielūkoties krodziņos, viesnīcās, tiesu zālēs, kazarmās. Tikpat dažādi un daudzveidīgi ir arī raksturi, kuri apdzīvo šo Fildinga radīto pasauli. Un lai cik daudz to arī nebūtu ("Tomā Džonss" ap 180), katram rakstnieks ir centies atstāt vismaz pāris iezīmīgu

¹ К е т т л А. Введение в историю английского романа. М., 1970, с. 38.

vaibstu. Protams, visas personas nav vienlīdz pilnasinīgas. Raksturīgi, ka Fildings savus varoņus daudz neappraksta, bet ļauj tiem darboties.

Līdz ar to daudz nozīmīgāku lomu nekā līdz šim iegūst valodas materiāls. Tā ir viena no galvenajām "krāsām" personāžu portretos.

Pēc Fildinga domām, rakstnieks raksta plašām tautas masam, nevis šauram izredzēto pulciņam. No tā izriet nepieciešamība rakstīt pašas tautas valodā.

"Rakstniekam jāraugās uz sevi ne kā uz vīru, kas sarīko dzīres vai nu lūgtiem viesiem, vai labdarīgos mērķos, bet drīzāk kā uz ēdienu namu Ipašnieku, kur katru labprāt pamieļo pret samaksu."¹

Otrkārt, šādu valodas problēmas traktējumu nosaka vēlēšanās pasauli attēlot realistiski. Fildinga varoņi pārstāv visdažādākos sabiedrības slāņus. Lai ticami tos atveidotu, rakstniekam pašam sīki jāiepazīst to dzīve, parašas, valoda, lai prastu izraudzīties būtiskāko, raksturīgāko. Un tā rakstnieka paletē blakus literārai valodai savu vietu atrod dažādi vienkāršrunas elementi un arī dialektismi. Ieviesdams tos literatūrā, viņš met izaicinājumu klasicisma poētikai un tās šaurajam normatīvam. Viņš izsmej pretenciozitāti un samākslotību savu priekšgājēju stilistiskajā manierē.

Kā Fildinga valoda vispār, tā arī dialektismu stilistiskais izmantojums viņa darbos pētīti samērā maz.² H. Like-

¹ F i l d i n g s H. Stāsta par Tomu Džonsu, atradēni. Rīga, 1955, 9.lpp.

² H u m p h r e y s H.R. Fielding's Irony, its Methods and Effects. "Review of English Studies", 1942, vol. XVIII
L ü c k e r H. Die Verwendung der Mundart im Englischen Roman des 18. Jahrhunderts. Darmstadt, 1915.

ra pētījumam (tāpat kā virknei citu vācu lingvistu darbu 19. gs. beigās un 20. gs. sākumā, kas veltīti dialektismu izmantojumam literāros darbos) ir galvenokārt konstatējošs raksturs. Tas uzskaita dažādas Fildinga darbos sastopamās dialektu formas, attiecīgi tās grupējot. H.Hamfrijs apskata tikai atsevišķas Fildinga stila iezīmes.

E.Kļimenko dod romāna "Toms Džonss" valodas stilistisku analīzi, kā visraksturīgāko iezīmi minot stilu kontrastu.¹ Nosodidams sava laika valodas nosacītību, Fildings bieži nostāda izskaistināta, izmeklēti smaika stila šablonus blakus sarunu valodas leksikai, dialektismiem un pat vulgāriem, tā panākams spilgti komisku efektu, kas brīžiem tuvojas groteskai. Šo metodi Fildings lieto apzinīgi un tās teorētisko pamatojumu dod 5. grāmatas ievadā:

"Te mēs būsim spiesti atklāt kādu jaunu zināšanu avotu, kuru... vēl nav izstrādājis neviens no senajiem vai jaunajiem rakstniekiem. Šis avots nav nekas cits kā pretstata likums, kas vijas cauri visai radībai un droši vien stipri palīdz izveidot mūsos kā dabiskā, tā mākslīgi radītā skaistuma nojēgumus."²

Fildinga pirmais romāns "Džozefs Endrūs"(1742) iecerēts kā parodija par Ričardsona "Pamelu", kas kaitināja Fildingu ar savu samāksloto jutelīgumu un liekulīgi moralizējošo toni. Fildings ienīst vīsu, aprēķina pilnu morāli. Viņa simpātijas pieder impulsīvam varonim ar plašu sirdi. Taču romāns drīz vien pāraug sākotnējo ieceri. Džozefs Endrūs dodas ceļā un līdz ar viņa raibajiem piedzīvojumiem, lasītājs iepazīstas gan ar spilgti veidotu laikmeta ainu, gan dažādiem raksturiem, par kuriem Volters Allens saka: tie

¹ К л и м е н к о Е.И. Традиции и новаторство в английской литературе. Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1961, с.51.

² F i l d i n g s H. Stāsts par Tomu Džonsu, atrodami, 147.lpp.

ir "terrifically and often terrifyingly alive; they have the distinctive individuality of the figures in Hogarth's prints..."¹

Viens no Fildings veropu vitalitātes avotiem ir viņa valoda un stils. Fildings raksta tā, it kā omulīgi tērztu ar lasītāju, devīgi dalīdamies ar to savā dzīves un literatūras pieredzē. Daudz cildinošu vārdu teikts par viņa mācītāju Adamsu, šo Dona Kihota līdzinieku, kurš iegājis angļu 18. gadsimta literatūrā kā viens no dzīvākajiem un aizkustinošākajiem tēliem, tāpēc ka viņa vistiešāk iemiesotas angļu apgaismības humānisma idejas.

"Džozefā Endrūsā" Fildings saviem raksturu zīmējumiem pirmo reizi izmanto jaunu krasu - dialektismus. Tiesa, šajā romānā viņš to dara vēl vissi piesardzīgi, kā taustīdamies. Dialektu elementi pavīd tikai triju personāžu runā. Tie ir: mīsis Glipslopa, mācītājs Trulibers un kāds tiesnesis. Viens šajos gadījumos autors izmantojis dialektus, lai panāktu komisku efektu, jo visu minēto personāžu sabiedriskais stāvoklis ir tāds, ka normāli dialektismus viņa runā sagaidīt nevarētu. To izmantojums kalpo vienīgi mākslinieciskiem mērķiem. Aprobežotais ierāvējs Trulibers, kuru cūkkopība interesē daudz vairāk nekā viņa draudzes avju dvēseļu glābšana, kļūst sevišķi reļjefs salīdzinājumā ar mācītāju Adamsu.

Jau te Fildings izmēģina stilu kontrastu metodi, pretnostatīdams gan tik pretējos raksturus, gan viņu atšķirīgo valodu. 1743. gadā iznāk "Nelaiķa Mistera Džonatana Vailda Lielā dzīves stāsts" (The History of the Life of the Late Mr. Jonathan Wild the Great). Tas ir lieliska satīrisks darbs, piesātināts ar ārkārtīgi skaudru ironiju, kurai, izņemot varbūt dažas Svifta lappuses, nav līdzvērtīgas visā angļu literatūrā. Džonatans Vailds ir 1725. gadā pakārtais zagļu bandas vadonis, kas vienlaikus strādājis arī policijas dienestā. Viņa dzīves stāsts uzrakstīts kā parodijs par

¹ A l l e n W. The English Novel. London, 1963, p. 57

redzama valsts un sabiedriska darbinieka biogrāfiju. Fildinga satīra vērsas pret konvencionāli traktētu "lieluma" jeb "diženuma" jēdzienu, pret aklu kalpošanu panākumu kultam, un, šķiet, nav nekad bijusi tik aktuāla kā pēdējo 25 gadu laikā - diktatūru un totalitāras politikas laikmetā.¹

Ironijas meistardarbs - par to saka R.Blors.²

No valodas un stila veidokļa šis darbs interesants ar to, ka pirmo reizi angļu literatūrā ienāk varonis-koknijs. Mēģinājuma atspoguļot dažas Džonatana Vailde kokniņa izrunas īpatnības spilgti izpaužas Vailda vēstulē apburošajai mis Tisijai.

Most Deivine and Adwhorable Creeture,

I doubt not but those IIs, briter than the son, which have kindled such a flam in my hart, have likewise the faculty of seeing it. It would be the hiest presumption to imagin you eggnorant of my loav. No, madam, I sollemly purtest, that of all the butys in the unaversal glob, there is non kapable of hateracting my IIs like you. Corts and pallaces would be to me deserts without your kumpany, and with it a wilderness would have more charms than haven itself. For I hop you will beleve me when I sware place in the univarse is a haven with you. I am konvinced you must be sinsibel of my violent passion for you, which, if I endeavored to hid it, would be as impossible as for you, or the son, to hide your buty's. I assure you I have not slept a wink since I had the hapness of seeing you last; therefore hop you will, out of kumpassion, let me have the honour of seeing you this afternune; for I am with the greatest adwhoration,

Most deivine creeture,

Your most passionate amirer,

¹ A l l e n W. The English Novel, p. 59.

² B l o o r R.H. The English Novel from Chaucer to Galsworthy. London, 1935.

Adhorer and slave,
Jonethan Wyld.

Kā redzams, humora efekts tiek galvenokārt panākts ar kļūdainu, dažkārt divdomīgu rakstību (adworable - adorable, flam - flame, buty - beauty, IIs - eyes, etc.), kas liecina par varoņa zemo izglītības līmeni, taču līdztekus atrodamas arī tādas formas kā egnorant (ignorant), purtest (protest), hateracting (attracting), universe (universe), sinsibel (sensible), amirer (admirer), kas norāda uz koknijs izrunu.

Šādas vēstules 18. gadsimta literatūrā kļūst par iemīļotu paņēmienu, un ar tām sastapsimies arī T.Smoleta daiļradē.

Ap šo laiku koknijs kā raksturs un koknijs kā dialekts sāk ieņemt noteiktu vietu literatūrā.¹ Iemeslus tam grūti konstatēt. Varbūt dialekts gūst plašāku izplatību, varbūt - gluži pretēji - literārajai valodai arvien vairāk nostiprinoties, dialekts tikai vairāk izceļas. Jeb varbūt sabiedrībā pamodusies interese par dialektu vispār - kā teritoriālo, tā sociālo.

Romānu "Stāsts par Tomu Džonsu, atradeni" Fildings raksta, būdams spēku pilnbriedumā, un vēl tagad, pēc vairāk nekā diviem gadsimtiem, to var ierindot angļu literatūras labāko darbu skaitā. Šis romāns paver jaunu lappusi literatūras vēsturē gan ar savu gluži arhitektonisko uzbūvi, gan ar pevisam jauna tipa varoni.

Stendāls to nosaucis par lieliskāko romānu pasaules literatūrā. Arī Fildings pats apzinājies, ka ar šo romānu aizsāk kaut ko jaunu:

"Es radu jaunu novadu literatūrā un tāpēc varu dot tai likumus, kādi vien man tīk."²

Kas attiecas uz stilu un valodu, tai skaitā arī dialek-

¹ Matthews W. Cockney Past and Present. London, 1938.

² Fildings H. Stāsts par Tomu Džonsu, atradeni, 45. lpp.

tismu izmantošanu, tad "Toms Džonss" turpina "Džozefā Endrūsā" aizsākto līniju, taču kvalitatīvi augstākā līmenī. Izteiktāka kļūst stila kontraste metode, vēl nepiespiestāks, spontānāks stāstījums. Kaut arī autora klātbūtne arvien ir jūtama, tā nav traucējoša, uzbāzīga.

Personāžu galerija romānā ir milzīga, taču raksturojums ar valodas līdzekļu palīdzību pirmajā mirklī šķiet ne pārāk izstrādāts. Un tomēr, ieskatoties uzmanīgāk, redzam daudz interesanta arī valodas materiāla izvēles ziņā.

Dialekta elementi izmantoti plašāk nekā "Džozefā Endrūsā". Tie sastopami Skvaira Vesterna, Sofijas kalpotājas Onoras Blekmūras, Misis Sigrimas, Moliņas Sigrimas māsas, kāda zemnieku zēna, kāda iru džentlmeņa un krogus saimnieces runā.

Skvairs Westerns ir visinteresantākais, visviengabalainākais romāna personāžs kā rakstura zīmējuma, tā valodas ziņā. Tas ir tipisks angļu 18. gadsimta lauku muižnieks - pilnīgs pretstats Olvertijam, parupjē, omulīgs patrons. Dzīvīvi viņam ir divas aizraušanās: medības un meita, kuru viņš dievina, taču nevēlas saprast, ar savu cietsirdīgo izturēšanos panākdams to, ka Sofija aizbēg no mājām. Skvairs Westerns ir caurcaurēm komisks raksturs, veidots ar mīlestību, taču nesaudzīgi. Fildings viņu apveltījis arī ar vienu no tām īpašībām, kuru pats visvairāk neieredzējis - patvaļu.

Skvaira Vesterna valoda ir neparasti sulīga, dzīva, un atbilst viņa vētrainajam temperamentam. Dzīvu to dara sarunu valodas leksika un frazeologija, kuras viņam vairāk nekā citiem romāna personāžiem, parupji, bet izteiksmīgi vulgārismi un arī dialektismi. Taču Westerns nerunā tirā, kādas konkrētas vietas dialektā. Tā kā viņa muiža atrodas Somersetšīrā, tad Fildings izmantojis atsevišķus dienvidu dialekta elementus, bet nav centies atveidot dialektu visā pilnībā.

Visplašāk izmantoti fonētiskie dialektismi: s un f

balsīga izruna.

"... we'll zee to vind thee another quat." (p.205)

"Tom is the veather of the bastard." (p.136)

Taču diezgan bieži pavīd arī dienvidu dialektam raksturīgas gramatiskās formas, it īpaši personas vietniekvārdu sistēmā.

"I'll forgee her if she wull ha un. If wot ha un,
Sophy, I'll forgee thee all. Why dost unt speak? Shat
ha un! d-n me, shat ha un!"

(p. 686)

Fildings izmantojis arī dienvidu dialektam raksturīgās darbības vārda "to be" formas.

"Most o'zuch great estates be in the hands of
lords and I heate the very name of themmun."

(p. 216)

Dialekta elementi Vesterna runā cieši saaukušies ar lielu daudzumu sulīgu un izteiksmīgu lamu vārdu, kurus viņš bārsta pa labi un kreisi gan piemērotās, gan nepiemērotās situācijās. Lordu Felmaru, kurš tiko pēc Sofijas rokas, viņš noraida šādi:

"You are a son of a b-... for all your laced coat. You
my son-in-law, and be d-n'd to you!"

(p. 687)

Liekas, Vesterns nevar izteikt ne teikuma, neiespraudis tik ierastās frāzes "Zounds and d-nation!", "Blood and fury!", "Pox!", "D-n it", u.c. Bieži vien autors neliek lasītājam līdz galam noklausīties šajos dusmu izvirdumos, pievienojams savus komentārus, piem.:

"He then bespattered the youth with abundance of that language which passes between country gentlemen who embrace opposite sides of the question with frequent applications to him to salute that part which is generally introduced into all controversies that arise among the lower orders of the English gentry at horse-races, cock-matches and other public places."

(p. 240)

Vai:

"The squire ... sent after his sister the same holloa which attends the departure of a hare, when she is first started before the hounds. He was indeed a great master of this kind of vociferation, and had a holloa proper for most occasions in life."

(p. 268)

Taču visas šīs rupjības un vētrainie jūtu izpaudumi lasītāju nestgrūž. Tie, tāpat kā dialektismi palīdz veidot ļoti iepatnēju, spilgtu komisku raksturu. Taču Vesterna tēla dialektismi kalpojuši ne tikai komiska efekta radīšanai vien. Kopā ar vulgāriem tie dod arī zināmu tēla sociālo raksturojumu: Westerns ir aprobežots, rupjš, neizglītots cilvēks, raksturīgs 18. gadsimta angļu lauku muižniecības pārstāvis.

Dialekts kā līdzeklis vietēja kolorīta radīšanai Fildingu, liekas, nav interesējis, jo, kaut arī izmantotie elementi raksturīgi Dienvidanglijai, tie nav saistīti ar citām attiecīgā apvidus sadzīves īpatnībām.

Otrs romāna personāžs, kura valodā biežāk sastopami dialektismi, ir Sofijas Vesternas kalpone Onora Blekmāra. Raksturīgi, ka māksliniecisko izteiksmes līdzekļu ziņā Fildings nav vienveidīgs, un Onorai viņš atradis pavisam citas krāsas nekā skveiram Vesternam. Fonētisko dialektismu viņas runā tikpat kā nav. Retumis ieskanes pa dialekta gramatikas formai (the most handsomest, charmingest, finest, tallest, properest men in th. world. p. 230). Taču vislabāk Onoras runu raksturo dialekta runātājiem bieži vien piemītošs īpatnējs valodas ritms, kas panākts ar regulāriem atsevišķu frāžu atkātojumiem un gariem, izvērstiem teikumiem.

"O dear ma'am!" says she, "What doth your la'ship think? To be sure I am frightened out of my wits; and yet I thought it my duty to tell your la'ship though perhaps it may make you angry, for we ser-

vants don't always know what will make our ladies angry; for to be sure, everything is always laid to the charge of a servant, when our ladies are out of humour, to be sure we must be scolded; and to be sure I should not wonder if your la'ship should be out of humour; nay it must surprise you certainly, ay, and shock you too,"

(p. 150)

Tāpat runu ritmizē bieži atkārtotās frāzes "says I", "says he", kā arī daudzās uzrunas.

"I in love, madam!" answers she; "Upon my word, ma'am, I assure you ma'am, upon my soul, ma'am, I am not!"

(p. 151)

Otra Onorai vien raksturīga iezīme ir dažnedažādie izsaukšanas vārdi, kurus dialektos lieto biežāk nekā literārajā valodā un kas vienlaikus ļauj spriest par Onoras temperamentu un viņas aktīvo attieksmi pret apkārtājo pasauli un tās notikumiem:

O Gemini (p. 229), i-fackins (p. 329), O lud (p.280), marry come up (p.698,9), slack-a-day (p.695), forsooth (p.285), etc.

Zināmu nekonsekvenci valodas materiāla izvēles ziņā var vērot Onoras vēstulē Tomam Džonsam, kas turpina "Džonstānā Vaildā" aizsākto tradīciju. Raksturīgi, ka līdztekus kļūdainai rakstībai šeit parādās arī fonētiski dialektiski, kuru nav Onoras tiešajā runā.

"Sir - I shud sartenly half kaled on you a cordin too mi prommissa heddunt itt bin that hur lashipp prevent mee; for to bee sur, Sir, you nose very well that evere persun must luk furst at ome, e o."

(p.711)

Grūti saprast, ka cilvēks dialektā nerunā, bet gan raksta. Drīzāk varētu sagaidīt pretējo.

Līdzīgi iebildumi varētu būt arī pret Sigrīdas ģimenes locekļu valodas portretiem. Kaut gan visi Sigrīdi

dzimuši un auguši Somersetā, gluži vienādos apstākļos un ir vienlīdz neizglītoti, dialektā runā tikai mātē un viena meita. Kad Molijs pārrodas mājās, vecākā māsa viņai pārmet:

"You'd better have minded what the parson says and not a harkened after men voks."

Mātē pievienojas:

"Indeed, ... she's the wurst of the vamily that ever was a whore."

(p. 132)

Vērtējot Fildinga paņēmieni zīmēt raksturus ar valodas materiāla palīdzību, piemērots šķiet G.Vinokura radītais termins "valodas maskas metode" (МЕТОД ЯЗЫКОВОЙ МАСКИ)¹. Tas apzīmē personāža raksturojumu, piešķirot tam atšķirīgas valodas īpatnības, kas nemainīgi saglabājas visās situācijās neatkarīgi no darbības.

H.Likers² gan apgalvo, ka skvairs Vesterna satraukumā un dusmās lietojot vairāk dialekta nekā normālos apstākļos, taču konkrēta valodas materiāla analīze šo konstatējumu nepstiprina. Bez tam Vesterna temperaments nemaz neļauj viņam būt rāvam un nosvērtam, tā kā ikvienā situācijā, kurā Fildings lasītājam šo raksturu parāda, viņš ir per kaut ko vairāk vai mazāk uzbudināts.

Fildinga pēdējais romāns "Amēlija" (1751), kuru viņš rakstīja nedienu, likstu un slimības salauzts, daudzējādā ziņā atšķiras no iepriekšējiem. Nav vairs plašās angļu dzīves panorāmas, trūkst jauneklīgā spēka un vitalitātes, kas tik raksturīga "Tomam Džonsem". Un lai gan romāna galvenie varoņi Amēlija un pulkvedis Būts ir lasītājam pazīstamie Sofija Vesterna un Toms Džonss pusmūža gados, viss romāna

¹ В и н о к у р Т.О. "Горе от ума" как памятник русской художественной речи. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 296.

² L ü s k e r H. Die Verwerdung der Mundart im Englischen Roman des 18. Jahrhunderts, S. 15.

traktējums ir izteikti sentimentāls. Kļūdams daudz pesimistiskāks un zaudējis krietnu daļu no savas ticības cilvēkam, Fildings attālinās arī no realistiskajiem izteiksmes līdzekļiem - dialektismu "Amelijā" nav.

Līdztekus Fildingam dialektu elementus savos darbos izmantot sāk arī viņa laika biedrs Tobiašs Smoletš (1721 - 1771). Domājams, ka pirmos ierosinājumus šajā ziņā viņš guvis no drāmas, taču arī Fildinga ietekme nav noliedzama.¹

Abu rakstnieku daiļradē vērojams dažas kopājas iezīmes - abi cenšas dot plašu sava laika dzīves panorāmu, abi sāk ar satīru un dzīves beigu posmā tuvojas sentimentalismam. Taču Smoletam ir svešs Fildinga optimisms un pāri plus-tošais dzīves prieks. Viņš nepazīst nekādu iecietību pret cilvēciskām vajībām, ir skarbs, cinisks, pat rupjš.

"He exposes, crudely and brutally a brutal and crude society" - par viņu saka literatūrkritiķis Valters Allens.²

Viņa pirmais romāns "Roderiks Rendoms" ("Roderick Random", 1748) uzrakstīts pikareska tradīcijās, taču rakstnieks pats labi apzinājies (tāpat kā Fildings, rakstot "Tomu Džon-su", kurš iznāk tikai gadu pēc "Roderika Rendoma"), ka aizsāk arī kaut ko jaunu. Šis jaunais ir iespējami patīess epkārtējās dzīves atveidojums, par ko rakstnieks runā grāmatas ievadā:

"Of all kinds of satire, there is none so entertaining and universally improving as that which is introduced as it were, occasionally... which brings every incident home to life; and by representing familiar scenes in an uncommon and amusing point of view, invests them with all the graces of novelty, while nature is appealed to in every particular."

¹ F ü r s t R. Vorläufer der modernen Novelle im 18. Jh. Halle, 1897, S. 104.

² A l l e n W. The English Novel, p. 68.

³ S m o l l e t t T. The Adventures of Roderick Random. Leipzig, 1845, p. 5.

Viens no līdzekļiem, ar kuru palīdzību Smolets savus varoņus tuvina reālajai dzīvei, ir dialektismi. "Roderikā Randomā" dialektu elementi izmantoti piecu mazāksvarīgu personāžu valodā. Tie ir: misters Morgans, kučieris Džo, Strepa draugs, Narcisas brālis un kāds zemnieks. Zīmīgs ir fakts, ka Smolets, pats būdams skots, nemēģina atveidot Roderika Randoma, Strepa un citu romānā darbojošos skotu valodas dialektālās īpatnības, kaut arī nereti liek lasītājam just, ka šādas īpatnības pastāv. (Krodziņš apmeklētāji, padzirdējuši, ka Roderiks un Streps runā dialektā, izturas pret tiem ļoti niecīgi). Tas, jādoma, izskaidrojams ar gluži taktiskiem apsvērumiem, jo Roderiks romānā ir stāstītājs, un, liekot viņam runāt dialektā, autors radītu ievērojamas grūtības kā sev, tā lasītājam.

Smoleta raksturu zīmējumos liela nozīme ir ārējam notēlojumam, kas pa lielākajai daļai ir pārspīlēts, pat grotesks. Par misteru Morganu Smolets saka:

"He was a short, thick man, with a face garnished with pimples, a snub nose turned up at the end, an excessive wide mouth, and little fiery eye ..."

("Roderick Random", p.161)

Viņš mīl izcelt visu divaino, visu to, kas cilvēku šķir no apkārtējās sabiedrības, nevis vieno ar to. Daļēji šāda funkcija ir arī dialektismiem. Tā kuga feldšera mistera Morgans valodā izmantotie fonētiskie dialektismi, kas liecina, ka viņš dzimtene ir Velsa, kalpo rakstnieka nolūkam piešķirt aprakstāmajam personāžam komiskus vaibstus. Smolets nav centies kaut cik precīzi atveidot Velsas dialektu, bet, aekodams šķekpīra tradīcijai, aprobežojies ar balsīgu līdzskaņu nebalsīgu izrunu (as plue as a pell, you lousy tog, Cot pless my soul, tying man, etc.).¹

Fonētiski šī ir vienīgā dialektā iezīme. Semantiskajā plāksnē interesanta ir daudzo un dažādo izsaukmes vārdu pār-

¹ S m o l l e t t T. The Adventures of Roderick Random, p.161.

bagātība: splutter and wons! Passion of my heart! mercy upon my salvation! Blood and oons! Cot pless my heart, liver and lungs,¹ u.c., kas liecina par mistera Morgana lielo temperamentu. Dialekta ietekme manāma arī viņa manierē katra jēdziena izteikšanai lietot iespējami vairāk apzīmētāju, piem.:

"... does he think, or conceive, or imagine, that I am a horse, or an ass, or a goat, to trudge backwards and forwards, and upwards and downwards, and by sea, and by land, at his will and pleasures?"²

Arī šis paņēmieni rada izteiktu komisku efektu. Kušieris Džo runā ziemeļu (Jorkšīras) dialektā.

"Wounds, coptain, whay woan't you soffer the poor waggoneer to meake a penny? -

Coom, coom, young man, get oop, never moind the coptain; I'se not sfeard of the coptain."³

Savu dzimto skotu dialektu Smolets izmantojis Strepa drauga - valodu skolotāja tēlā:

"Dress! answered he "You may caal it fatyou please in your country, but I vaw to Gad't is a masquerade here! No Christian will admit such a figure into his hawse."⁴

Dialektā runājošo personu skaits nav liels arī nākamajos Smoleta romānos "Lanslota Grīvza piedzīvojumi" un "Peregrīna Pikla piedzīvojumi". Romānā "Lanslota Grīvza piedzīvojumi" jūtama tieša Servantessa "Dona Kihota" ietekme. Senāo Pansas līdzinieks te ir Timotejs Krebšovs, kurš pats

¹ S m o l l e t t T. The Adventures of Roderick Random, p. 161.

² Ibid., p. 161.

³ Ibid., p. 53.

⁴ Ibid., p. 74.

apgalvo, ka esot cēlies no Jorkšīras. Tomēr viņa valodā atrodamas īpatnības, kas raksturīgas dienvidu vai dienvidaustrumu rajoniem.

"I pray yaw, my lord conjurer's worship, pardon my ignorance and down't go to faind me ocover to the Red sea like. I'se a poor Jorkshire tyke and would rother cheat the stars than I'd cheat my own vather."¹

Vai:

"... that I was formented by vive hoondred devils..."²

Formas v a t h e r un v i v e nav pazīstamas ziemeļu, resp. Jorkšīras dialektā. Tas liecina, ka Smolets nav iedziļinājies dialektu formu atbilstībā attiecīgam apgabalam. Viņa interese par dialektiem bijusi tīri literāres dabas.

Atšķirībā no Fildinga, kura pēdējā romānā dialektu elementu nav, Smoleta "Hamfrijs Klinkers" ir kā valodas, tā stila ziņā viens no viņa interesantākajiem darbiem. Tas uzrakstīts vēstule formā un stāsta par ceļojumu pa Angliju un Skotiju. Vēstule autori ir pieci dažādi cilvēki, un tā kā viņi apraksta vienus un tos pašus notikumus, rakstniekam izdevies parādīt raksturus daudz reljefāk nekā iepriekšējos romānos. Tajos ir arī daudz vairāk tīra humora un mazāk žults.

Viens no romāna visspilgtākajiem personāžiem ir skotu leitnants Obadio Lismaheigo, kuru autors apraksta šādi:

"... A tall, meagre figure, answering, with his horse, the description of Don Quixote mounted on Rozinante...
... He would have measured about six feet in height, had he stood upright; but he stooped very much; he was very narrow in the shoulders, and very thick in the

¹ S m o l l e t t T. The Adventures of Sir Launcelot Greaves. Leipzig, p.209.

² S m o l l e t t T. The Adventures of Sir Launcelot Greaves, p. 209.

calves of his legs, which were cased in black spatterdashies. As for his thighs, they were long and slender, like those of a grasshopper, his face was at least half a yard in length, brown, and shrivelled, with projecting cheek-bones, little grey eyes on the greenish hue, a large hook-nose, a pointed chin, a mouth from ear to ear very ill furnished with teeth, and a high narrow forehead well furrowed with wrinkles."¹

Šis apraksts ir Smoletam raksturīgs. Viņš pslaikam uzsver savos personāžos visu nedabisko, grotesko, pārspīlāto. Lismaheigo drīzāk atgādina dīvainu kukaini nekā cilvēcisķu būtni. Un šo iespaidu vēl papildina gan dažādie cilvēka cieņu pazemojošie notikumi, ko Lismaheigo piedzīvo, gan dislekts, kas tāpat pasvitro viņa dīvainību, atšķirību no pārējām personām. Visai neveikli nokritis no zirga dāmu acu priekšā un pazaudējis perūku -

"he ... paid his respects in the Scotch dialect, with much formality.

"Laddies," said he, "perhaps ye may be scandaleezed at the appearance my heed made, when it was uncovered by accident..."²

Arī šajā gadījumā Smoleta dialekta atveidojumā nav bijis konsekvents, jo nedaudz vēlāk tas pats Lismaheigo saka:

"The leddy called you Matt ..." ³

Taču lielākā daļa Lismaheigo tiešās runas ir atveidota literārā angļu valodā, kā tas loģiski arī būtu sagai-

¹ S m o l l e t t T. The Expedition of Humphry Clinker. Leipzig, 1846, pp. 207-208.

² Ibid., p. 208.

³ Ibid., p. 211.

dāms, jo to pārstāsta kāds no 5 personāžiem savās vēstulēs.

Ne mazāk grotesks ir arī deju skolotājs irs Uliks Makilliguts (Ulic Mackilligut), "blind of one eye, and lame of one foot", kurā runā "in a true Hibernian accent."

"Mister what d'ye call'um, by my sooul and conscience, I am very glad to sea you, if you are after coming in the way of friendship; and indeed and indeed now, I believe you are my friend sure enough, gra; though I never had the honour to sea your face before, my dear; for becaase you come like a friend, without any ceremony at all, at all."¹

T.Smolets acimredzot sekojis jau drāmā populērajām "stage Irish" tradīcijām, kā to norāda morfoloģiskais dialektisms "to be after coming", un dialekta frazeoloģismi "at all, at all", "and indeed and indeed now". Nav skaidrs, ko autors gribējis panākt ar nepareizo rakstību vārdā "see" (I am very glad to sea you). Domājams, tā norāda uz savdabīgu i; skaņas izrunu, taču nespēj dot par to ne mazāko priekšstatu. Šāda rakstība drīzāk iederētos Tabitas Bremblas vai Vinifredas Dženkinsas kļūdainajās vēstulēs.

Viedzīvākie kā valodas, tā raksturu zīmējumu ziņā ir Smoleta skoti: advokāts Miklimens un ziņnesis Freizers.

"... it was a gude practical joke; ... I hope he has na drank all the liccor; for it was a vara poorful infusion of jallap in Bourdeaux wine; as it's possable he may ha'ta'en sic a dose as will produce a 'errible catastrophe in his sin boocls"²

Taču visumā Smoleta fragmentārie personāži ir daudz bālāki un neizteiksmīgāki par tiem, kurus sastopam Fildinga romānos.

Līdztekus romāna centrālajam un izteiksmīgākajam tē-

¹ S m o l l e t t T. The Expedition of Humphry Clinker. Leipzig, 1846, pp. 35-36.

² Ibid., p. 192.

lam Metjū Bremblam par Smoleta veiksmi neapšaubāmi jāuzskata arī Metjū māsa Tabita un viņas kalpone Vinifreda Dženkinsa. Tie ir komiski tēli, un šī komisma pamatā ir viņu vēstules, kurās vulgārismi un dialektismi cieši saaudušies ar rakstības kļūdām. Valodas līdzekļiem šajās vēstulēs ir daudz lielāka loma nekā, piem., malapropismiem, kas dara komisku Fildinga misis Slipslopu. Smoleta radoša izdoma ir tiesām apbrīnojama. Divdomības, vārdu un līdz ar to nozīmju sapludinājumi pārsteidz ne vien ar savu neatdarināmo komismu, bet arī lieliski atsedz raksturus. Kad Vinifreda runā par "the grease (grace) of God", "mattermony"(matrimony), "dissent terms of civility" vai "turning tipsy turvy", viņas mentalitāte lasītajam kļūst daudz skaidrāka. Līdzīgu papāmienu vēlāk izmanto arī Dikenss (Misis Gampa), bet īpašā metodē to pārvērs Lūiss Kerols un Džeimss Džoiss.

Vinifredas Dženkinsas vēstūļu analīzes rezultātā W.A. Boggs¹ nācis pie slēdziena, ka viņa lieto vārdus un formas, kas raksturīgas vairākiem dialektiem, galvenokārt - velsiešu, skotu un koknijam, kas ir tik atšķirīgi, ka šīs formas nevar vienlaikus piederēt visiem trim. Citiem vārdiem "in her letters Smollett created a gigantic, successful linguistic hoax."²

Neskatoties uz šādām neprecizitātēm dialektu formu izvēlē, Smolets pratis strast kompromisu, lai, pārāk nēgrākojot pret valodas faktiem, ievērojami bagātinātu savu literāro varoņu valodu un tuvinātu tos dzīvei, kurā redzīga esis arvien saskatīs arī daudz komisma.

H.Fildings un T.Smolets bija pirmie, kas stilistiski izmantoja dialektismus romānā, bet kā 19., tā 20. gadsimta literatūrā viņiem ir ļoti daudz veiksmīgu sekotāju.

¹ B o g g s W.A. Dialectal Ingenuity in Humphry Clinker. PELL, I, 1965, pp. 327-337.

² Ibid., p. 327.

Резюме

Статья "Диалектизмы в романах Г.Филдинга и Т.Смоллета" посвящена стилистическому анализу диалектизмов в работах обоих английских писателей. Они впервые, почти одновременно, ввели диалектизмы в английский роман. Г.Филдинг наиболее широко использовал их в "Томе Джонсе" особенно в языке одного из героев, сквайера Вестерна, однако автор не ставил себе целью отобразить диалект какой-то определенной местности. Т.Смоллет стремится выделить все гротескное в своих образах и диалектизмы здесь служат той же цели. В особенности используются диалектизмы Уэльса, Йоркшира, Шотландии, Ирландии и др. В языке отдельных персонажей можно найти формы нескольких диалектов одновременно. Несмотря на неточности в выборе формы, Т.Смоллет сумел найти компромисс и, не греша против языковых фактов, приблизить язык своих персонажей к жизни.

НЕКОТОРЫЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
 ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
 Д. ЧОСЕРА

Диакроническая фразеология является одним из наименее изученных разделов языковедения. Для теоретических обобщений необходимы исследования конкретного языкового материала разных эпох и различных авторов.

Произведения знаменитого английского писателя Дж. Чосера изучались в отечественной лингвистике в двух аспектах — грамматическом и лексикологическом. Мы располагаем только двумя работами, в которых авторы пользовались фразеологическим материалом произведений Чосера. Первой из них является кандидатская диссертация А. М. Криличевского¹. Понимая фразеологию в широком смысле слова, автор относит к фразеологическим единицам устойчивые словосочетания нефразеологического характера, а также цитаты, причем приводит незначительное количество фразеологических единиц, не вдаваясь в подробный анализ.

Другая работа — это статья М. Б. Крепса, в которой автор выделяет "коллоквиализмы — слова, словосочетания или фразеологизмы"² — в среднеанглийском тексте и анализирует использование их Чосером в "Кентерберийских рассказах" как средство речевой характеристики героев.

Произведения Чосера содержат богатый фразеологический материал. Предлагаемый в данной статье анализ осуществлен

¹ Криличевский А. М. Идиоматика Дж. Голсуорси, Бернарда Шоу, и Г. Уэлса и ее русские эквиваленты. Канд. дисс. М., 1940.

² Крепс М. Б. Стилистическое использование коллоквиализмов в "Кентерберийских рассказах" Чосера. — В сб.: "Словесный контекст". Л., 1972, с. 117.

на материале картотеки, составленной методом сплошной выборки из полного собрания сочинений Чосера¹ и выверенной по лексикографическим источникам. Учитывались все случаи употребления фразеологических единиц (ФЕ)².

Чосер широко пользуется приемами окказионального употребления ФЕ в речи, такими, как вклинивание, добавление, контаминация, синтаксическая деформация, замена компонента ФЕ, развернутая метафора, буквализация, фразеологическая зевгма, эллипсис, аллюзия, перифраз, нарушение стилистической дистрибуции и др. В произведениях Чосера часто встречаются также ФЕ, претерпевшие различные семантические и структурные преобразования и являющиеся результатом применения двух и более стилистических приемов индивидуально-авторской обработки. Однако изучение инноваций этих типов не входит в задачу данной статьи, так же как и сравнение с современным английским языком. Мы рассмотрим наиболее распространенные и сложные типы окказионального употребления ФЕ в произведениях Чосера: развернутую метафору, буквализацию, фразеологическую зевгму, вклинивание, замену компонента ФЕ и контаминацию. При анализе мы опираемся на фразеологическую концепцию А.В. Кунина³, который впервые охарактеризовал окказиональные показатели раздельнооформленности ФЕ и разработанные им положения изложил в виде теории, которая послужила основой для изучения окказиональных изменений ФЕ в речи. На материале современного языка окказиональное использование ФЕ исследовалось многими учеными: Н.Л. Шадриним, С.И. Ройзензоном, Е.А. Пожиным, Л.М. Болдыревой, И.В. Дубинским и др., однако в диахроническом плане вопрос еще не рассматривался.

¹ "The Complete Works of Geoffrey Chaucer", ed. by Skeat W.W. Oxford, 1919.

² В определении ФЕ и объема фразеологии мы придерживаемся теории А.В. Кунина. См. Кунина А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины. — Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967, с. 1259.

³ Кунина А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Докт. дисс. М., 1964, с. 630-701.

В произведениях Чосера ФЕ повторяются редко и при каждом повторении автор (за некоторыми исключениями) вносит те или иные окказиональные изменения¹ в соответствии со стилем и содержанием высказывания.

Все разнообразные и многочисленные окказиональные изменения ФЕ в речи по признаку изменения внешней формы² могут быть сведены к двум типам:

- подвергшиеся семантическим преобразованиям (I);
- подвергшиеся структурно-семантическим преобразованиям (II).

1. ФЕ, подвергшиеся семантическим преобразованиям

В эту группу входят те ФЕ, внутренняя форма которых не изменяется. Переосмысление, обыгрывание ФЕ проявляется в контексте, значение их изменяется или приобретает иной оттенок.

1. Развернутая метафора

Развернутая метафора в произведениях Чосера является самым распространенным видом окказиональных семантических преобразований ФЕ. Этот способ используется в целях оживления уже стершейся образности. На конкретизации и раскрытии значения одного или двух компонентов ФЕ обычно строится целая система образов и метафор. Это подтверждается следующим примером:

Or artow lyk an asse to the harpe,
That hereth soun, whan men the strenges plye,
 But in his minde of that no melodye
 May synken, him to glade, for that he
 So dul is of his bestialitee?

ТС, I, 731-5.

Исходная среднеанглийская форма этой ФЕ, ее прототип³

¹ Заметим, что А.М.Криличевский не выделяет окказионально преобразованных ФЕ; это и понятно, если вспомнить, что его работа написана в 1940 году.

² Этот признак выделен Н.Л.Шадриним. См. Шадрин Н.Л. Перевод контекстуально преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема. Канд. дисс. Л., 1969, с. 115.

³ В дальнейшем сокращено - прот.

lyk an asse to the harpe¹ засвидетельствован словарем Уайтинга². Сравним с узуальным употреблением этой ФЕ Чосером в "Boethius de Consolatione Philosophie"³:

Pelestow; quod she, these thinges, and entren they aught
in thy corage? Artow lyke an asse to the harpe? Why wepestow,
why spillestow teres?

Boeth., I, pr. IV, 2-3.

Другой пример развернутой метафоры из "Рассказа Сквайра"⁴:

a serpent under floures /прот.-Уайтинг S 153; окк.-
СТ, D, 1994-5 (в другом лексическом варианте: a ser-
pent under the gras); совр. англ.⁴ - a snake in the
grass /

Right as a serpent hit him under floures
Til he may seen his tyme for to byte,
Right so this god of love, this yuocryte,
Doth so his serimonies and obeisaunces.

СТ, F, 512-5.

Строка 513 раскрывает значение стержневого компонента *serpent*, усиливал значение ФЕ "тайный враг".

В следующем случае расширение ФЕ переносится в новую строфу:

loves daunce /прот.-Уайтинг L 535; уз.-ТС, III, 695; СТ,
A, 475-6; СТ, C, 79 (в двух лексических вариантах: *loves*
daunce, olde daunce)/

Criseyde, when that she hir uncle herde,
With dredful herte, and desirous to here
The cause of his cominge, thus answerde,
Now by your feyth, myn uncle, quod she, dere,
What maner winde gydeth yow now here?

¹ Современная форма не указывается, если ФЕ устарела.

² Whiting B.J. Proverbs, Sentences and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500. Cambridge, Mass., 1968, A 227.

³ В дальнейшем ограничимся констатацией примера узуаль-ного (уз.) или другого рода окказионального (окк.) употребления той же самой ФЕ в произведениях Чосера.

⁴ Совр. англ. - современный английский.

Tel us your joly wo and your penaunce,
How ferforth be ye put in loves daunce.

'By god, quod he, I horpe alwey bihinde!
And she to-laugh, it thoughte hir herte breste.

ТС, II, 1100-8.

Крессида озабоченно, с тяжелым сердцем (with greedful herte) слушает своего дядю, но, когда он удачно обыгрывает слова Крессида loves daunce, она заливается смехом (And she to-laugh, it thoughte hir herte breste). Эти строки показывают, как остро Чосер ощущал комический эффект этого построения, что окказиональные видоизменения являются не случайностью, а осознанным приемом.

2. Буквализация ФЕ

Одним из приемов семантического преобразования ФЕ в контексте является ее буквализация¹. При этом приеме параллельно воспринимаются переносное значение самой ФЕ и прямое значение компонентов переменного словосочетания, совпадающего с ФЕ по лексическому составу. Буквальзация употребляется для обыгрывания прямого значения компонентов ФЕ. Она имеет несколько разновидностей, выделенных А.В.Куниным². Чосер использует различные виды буквализации, напр., употребление фразеологизма с последующим обыгрыванием его буквального значения.

to have a coltes tooth /прот.-Партридж³, с.171;
окк.-СТ.А, 3888; совр.англ.- to have a colt's tooth/

¹ Л.М.Болдырева предлагает термин двойная актуализация. См. Болдырева Л.М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов. Канд. дисс. М., 1967, с. 141.

² Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики. Тезисы конференции "Проблемы лингвистической стилистики". М., 1969, с. 74.

³ Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. New York, 1967.

He was, I trowe, a twenty winter old,
 And I was forty, if I shal seye sooth,
 But yet I hadde alwey a coltes tooth,
Gat-tothed I was, and that bicam me weel.

СТ, D, 600-3.

В этих строках Батская ткачиха рассказывает о своем няном муже. В тексте сначала приводится вся ФЕ, и на первый план выступает переносное значение этого словосочетания: увлекаться, как юноша (о пожилом человеке). Но *coltes tooth* имеет и прямое значение: первые зубы у жеребенка, появляющиеся у него в возрасте трех лет, и в это время он особенно норовист и неукротим. Это значение воспринимается только тогда, когда употребляется прилагательное *gat-tothed* - совр. англ. *having the teeth far apart*¹, т.е. редкозубый.

Реже встречаются случаи, когда слово (или слова) сначала приводится в его обычном значении, а затем употребляется как компонент ФЕ. Во всех случаях буквализации восстанавливаются конкретные лексические значения компонентов переменного словосочетания. Художественное воздействие приема основано на эффекте неожиданности. Это можно проследить на примере дефразеологизации значения ФЕ при помощи комментария автора:

to murmure the develes Pater-noster /прот.- Яай -
 тинг p214/

Murmure eek is ofte amonges servaunts, that grucchen
 whan hir sovereyns bidden hem doon lefevul thinges; and,
 for-as-muche as they der nat openly withseye the comaunde-
 ments of hir sovereyns, yet wol they seyn harm, and grucche,
 and murmure prively for verray despyt; whiche wordes men
clepen the develes Pater-noster, though so be that the devel
ne hadde nevere Pater-noster, but that lewed folk yewen it
swich a name.

СТ, I, 506-8.

¹ Значения среднеанглийских слов (и в последующих случаях) даны по глоссарию в "The Complete Works of Geoffrey Chaucer".

Значение ФЕ четко актуализируется в контексте, и лишь затем оно дефразаологизируется последующей частью контекста. Неожиданность столкновения визуального употребления ФЕ и буквального значения создает юмористический эффект. В компонентах восстанавливается их первоначальное значение, и все сочетание переосмысливается, воспринимается читателем в самостоятельных значениях компонентов данной ФЕ. Путливый комментарий Чосера *the devel he hadde nevere Pater-poster* подчеркивает немотивированность этой ФЕ, а также показывает, что Чосер учитывал образность таких выражений и их народный характер (*men clerep, lewed folk yeven it swich a name*) и то, что они прочно укрепились в языковом сознании.

3. Фразеологическая зевгма

Этот прием основывается на совмещении ФЕ и переменного сочетания слов в узком контексте. На основе общего лексического компонента одновременно реализуются разные значения многозначного слова. Обычно примеры фразеологической зевгмы приводились в работах по стилистике наряду с другими видами зевгмы. В фразеологии этот прием рассмотрен Л.М. Болдыревой¹ и далее исследован Н.Л. Шадриным². Он же и ввел термин фразеологическая зевгма. В нашей картотеке зарегистрировано несколько примеров фразеологической зевгмы:

to lesen one's minde /прот.-Словарь среднеанглийского языка³, ч. 13, с. 859; уз.-Ст, В, 774, ВД, 511, совр. англ.- *to lose one's mind*/.

¹ Болдырева Л.М. Канд. дисс., с. 213.

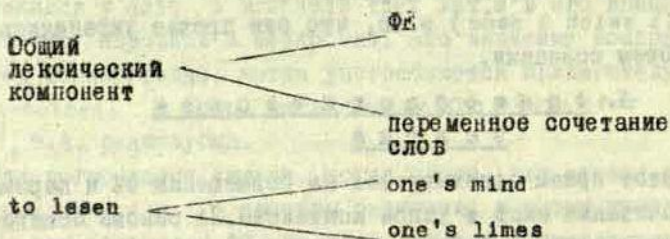
² Шадрин Н.Л. Канд. дисс., с. 119-120; Шадрин Н.Л. Фразеологическая зевгма и передача ее семантико-стилистических функций в переводе. - В со.: "Стиль и контекст".

³ *Middle English Dictionary*, ed. by Kurath H. and Kuhn Sh. M. Ann Arbor, 1959-.

For goddes love, drink more attemprely;
 Wun maketh man to lesen wrecshedly
his minde, and eek his limes everichon.

СТ, D, 2053-5.

Компонент to lesen является частью ФЕ to lesen one's minde. В то же время он употребляется в конкретном значении в переменном сочетании слов to lesen one's limes (совр. англ. limbs). Зевгма используется автором в целях оживления стершейся метафоры. Чосер соединяет как бы несовместимые понятия, создавая известный стилистический эффект.

В строке 2053 Чосер советует не злоупотреблять вином, а в строках 2054-5 с тонким чувством юмора при помощи фразеологической зевгмы показывает результат пренебрежения этим советом.

Автор употребляет фразеологическую зевгму, чтобы подчеркнуть остроту ироники:

a flye and a frere wol falle in every dish /прот.-
 Уайтинг г 336/.

A frere wol entremette him ever-но,
 Lo, gode men, a flye and eek a frere
Wol falle in every dish and eek matere.

СТ, D, 834-6.

В период средневековья это ироническое высказывание содержало весьма смелую и тонкую критику духовенства.

II ФФ, подвергшиеся структурно-семантическим преобразованиям

Эта группа окказиональных изменений ФФ является более многочисленной и многообразной. Она основана на окказиональном нарушении стабильной узуальной формы ФФ, на изменении их структуры и семантики.

I. Вклинивание

Вклинивание переменных компонентов в структуру ФФ является самым распространенным видом окказиональных изменений в произведениях Дж. Чосера.

Вклинивание вводится для уточнения, усиления, ослабления значения или контрастного сопоставления значений в стилистических целях¹.

а) Уточнение значения ФФ

Это хорошо можно проследить на употреблении ФФ to loken as a leoun² /прот.- Уайтинг L 351; окк.-СТ, А, 2171). Эта ФФ употребляется два раза с вклиниванием имени прилагательного перед компонентом leoun: he loked as a wood leoun (СТ, Д, 429) и he loketh as it were a grim leoun (СТ, В, 4369). Оба вставляемых слова близки по смыслу: ср. англ.³ wood - совр.англ. mad, fierce, furious и ср.англ. grim - совр.англ. angry, fierce.

б) Усиление значения ФФ

Вклинивание реже выполняет усилительную функцию по сравнению с уточнением.

(as) strong as a samaille /прот.-Уайтинг CI4/

¹ Эти четыре типа вклинивания выделены А. В. Куниным. Он же ввел и термин вклинивание. См. Кунин А. В. Докт. дисс. с. 636. См. также: Кунин А. В. Вклинивание как лингвистическое явление. "Иностранные языки в школе", 1973, № 2, с. 13-22.

² В среднеанглийском периоде в компаративных фразеологических единицах (КФФ) употреблялись союзы as и lyk, независимо от структуры КФФ.

³ Ср. англ.-среднеанглийский.

Ye archewyves, stondeth at defence,
 Since be stronge as is a greet camaille.

СТ, Б, II95-6.

в) Ослабление значения ФЕ

Типичных примеров ослабления значения ФЕ вклиниванием в произведениях Чосера не зарегистрировано. Однако имеется интересный случай вклинивания переменного прилагательного в ФЕ, которая сама носит характер литоты:

(as) pale as a goost /прот.-Уайтинг G54; совр.англ.-
 (as) pale as a ghost/

He was nat pale as a for-pyned goost.

A fat swan loved he best of any roost.

СТ, А, 205-6.

г) Контрастное сопоставление значений

В нашей картотеке засвидетельствован только один случай:

lyk a champion /прот.-Словарь среднеанглийского
 языка, ч. CI-C6, с. I50/

Soothly, he that despeireth him is lyk the coward¹ cham-
 pion recreant, that seith creant withoute nede.

СТ, I, 698.

Это сочетание явно носит характер оксюморона. Слово coward вставляется перед существительным champion, контрастным по значению. Эти два слова как бы противоречат друг другу, но фактически оба вскрывают внутренние противоречия и используются для более яркой характеристики персонажа. Окказиональное добавление recreant (совр.англ. beaten) и повторение creant (с тем же значением) гармонируют с вклиниванием coward и вместе с тем противопоставляются по смыслу стержневому слову ФЕ champion. Они выражают отношение говорящего к описываемому явлению.

Анализ ФЕ в работах Чосера показывает, что помимо уточнения, усиления, ослабления значения и контрастного сопоставления значений наблюдается также явление пере-

¹ Ср.англ. coward (adj.) - совр.англ. cowardly.

дачи дополнительной информации посредством вклинивания.

to brekke one's nekke /прот.-Большой оксфордский словарь¹, т. II, с. 63; ур.-СТ, А, 3918; совр.англ.- to break one's neck/

With wilde thonder-dint and firy leuens

Note thy welked nekke be to-broke!

СТ, D, 276-7.

Эти строки из длинного монолога Батской ткачихи, в котором она повествует о несправедливом отношении к женщине и непосильной тяжести брачных уз. Из употребления ФЕ to brekke one's nekke ясно, что welked (совр.англ. withered, wizened) относится к старому мужу, который ворчит на свою молодую жену, и она его проклинает, желая сломать морщинистую шею. Вклинивание welked вписывает дополнительный штрих в образ самой ФЕ.

Приведем другой пример, где вклинивание вносит дополнительный смысл в семантику ФЕ:

the swan singeth ayeins his deeth /прот.-Уайтингс 932; окк.-Ane1, 346-7; PF 342; совр.англ.- swan song/

'Right so, quod she, as that the whyte swan
Ayeins his deeth beginneth for to singe,
Right so to yow make I my compleyninge.

LGW, 1355-7.

Вклинивание whyte исключительно уместно, так как белый цвет обычно символизирует молодость и свежесть. Дидо, героиня легенды - молодая, прелестная девушка. Чосер в предыдущих строках приводит еще две ФЕ для описания ее красоты: fairer then is the brighte sonne (LGW, 1006) и fair as is the brighte morwe (LGW, 1202).

В рассмотренные функции вклиниваются различные части речи. Чаще всего Чосер прибегает к вклиниванию прилагательных в состав ФЕ (это и видно из проанализирован-

¹ The Oxford English Dictionary, in XII Volumes with a Supplement, ed. by Murray J. A. N. Bradley N., Craigie W. A., Onions C. T. Oxford, 1961.

ных выше ФЕ). Как правило, вклинивается одно имя прилагательное:

to caste an (one's) yē (yēn) /прот.-Большой оксфордский словарь, т. П, с. 155; уз.- Лж 311 и др.; совр. англ.- to cast an eye/

And she agayn him caste a freendlich yē.

СТ, А, 2680.

Lord Phebus, cast thy merciabla yē

On wrecche Aurelie, which that am but lorn.

СТ, Р, 1036-7.

Но бывает случаи, когда вклиниваются два прилагательных, что придает ФЕ большую экспрессивность:

On her he caste his hevuy deedly yēn¹

And doun agayn, and yeldeth up the gost.

LGW, 885-6.

Особенно часто встречается вклинивание имен прилагательных в КФЕ. Это можно схематически изобразить следующим образом:

as $A_{уз}$ as $A_{окк} N$,

где $A_{уз}$ - имя прилагательное, узואально являющееся компонентом ФЕ;

$A_{окк}$ - оккациональное вклинивание переменного прилагательного.

Среди случаев вклинивания прилагательных в состав КФЕ имеются примеры тавтологического повторения прилагательного основного состава КФЕ.

as $A_{уз}$ as $A_{окк=уз} N$

(as) greet as a forneys /прот.- Уайтинг F 705/

His mouth as greet was as a greet forneys.

СТ, А, 559.

Такого рода вклинивание можно назвать тавтологическим вклиниванием. Этот вид оккациональных изменений ФЕ должен изучаться диахронической фразеологией, так как он не

¹ Такое последовательное обыгрывание одной и той же ФЕ объясняется, с нашей точки зрения, стереотипной окраской и наличием многочисленных употреблений ФЕ - по предварительным подсчетам это самая распространенная ФЕ в текстах Чосера.

употребляется в современном английском языке. Сочетания *as cool as a cool cucumber*, *as blind as a blind bat*, *as dead as a dead doornail* звучали бы нелепо. В современном английском языке мы можем встретить лишь модель типа *as glum as glum*.

Приведем еще один пример тавтологического вклинивания:

(as) whyt as a swan /прот.- Уайтинг s 930; совр. англ.- (as) white as a swan/

Now had this Phebus in his hous a crowe,
Which in a cage he fostred many a day,
And taughte it speken, as men teche a jay.

Whyt was this crowe, as is a snow-whyt swan.

СТ, Н, 130-3.¹

Сложное имя прилагательное *snow-whyt* фактически является схемой КОЕ. Итак, налицо двойное сравнение *whyt as a swan* и *whyt as snow* как бы на двух уровнях. Здесь Чосер прибегнул к тавтологическому вклиниванию, исходя из потребностей контекста, в целях большей эфазы. Для Чосера важно довести до сознания читателя, что это белая ворона, так как в языковом сознании ворона обычно ассоциируется с черным цветом. В последующих строках Феб наказывает белую ворону за то, что она не умела держать язык за зубами, он вырывает все белые перья белой вороны (повторяем эту тавтологию) и делает ее черной.

Реже, чем вклинивание имен прилагательных, встречаются случаи вклинивания наречий в целях уточнения и усиления фразеологического образа. Эти наречия могут употребляться в различных обстоятельствах: образа действия, времени или места.

¹ Любопытно, что словарь Уайтинга (в целом обширный и исчерпывающий) не дает этого примера, хотя и имеется соответствующая словарная статья, в которой иллюстрируются примеры, относящиеся к периоду 1300-1508 гг. По нашему мнению, Уайтинг не просто игнорировал эту ФЕ; ФЕ СТ, Н, 133 упущена из-за окказионального вклинивания *snow-whyt*. Уайтинг сознательно не включил ее в словарь, так как имеются и другие случаи, когда словарь не дает ФЕ, встречающихся в тексте с окказиональными изменениями.

to go to the devel /прот.- Партридж, с.216; совр.англ.-
to go to the devil/

Thanne sholde I lede my lyf in avoutrye,
And go streight to the devel, whan I dye.

СТ, Е, 1435-6.

В современном английском языке, по материалам А.В.Кунина¹, вклинивание наречий встречается реже, чем вклинивание существительных в атрибутивном значении, но в произведениях Чосера мы наблюдаем противоположную картину.

При вклинивании имени существительного особенно проявляется функция передачи дополнительной информации.

to blear smb's ye /прот.- Уайтинг Е 217; уз.-СТ, А,
4049; СТ, Н, 252; совр.англ.- to blear smb's eyes/

'So thee'k, quod he, 'ful wel coude I yow quyte
with blering of a proud milleres ye.

СТ, А, 3864-5.

Существительное milleres в притяжательном падеже вклинивается вместе с прилагательным proud. Вклинивание существительных в общем падеже в атрибутивном значении нам не встречалось. Это можно объяснить грамматическим строем английского языка XIV века. Он еще не был аналитическим языком, и конверсия имен существительных не была для него так характерна, как в XX веке.

Распространение субстантивного элемента ФЕ возможно и при помощи переменного существительного, которое присоединено сочинительным союзом and или or.

the more wode, the more fyr /прот.- Уайтинг, W 560/

But as we may alday our-selven see,

Through more wode or col, the more fyr:

Right so encrees of hope, of what it be,

Therewith ful ofte encreseth eek desyr.

ТС, II, 1331-4.

ФЕ расширена вклиниванием слова col, которое тематически близко предыдущему компоненту ФЕ wode.

В произведениях Чосера наблюдается несколько случаев

¹Кунин А.В. Докт.дисс., с.641-4.

вклинивания местоимений:

fyr is raked in olde asshen /прот.- Уайтинг F185/
 Our wil desireth folie ever in oon.
 For whan we may nat doon, than wol we speke;
 Yet in our asshen olde is fyr y-reke.

СТ, А, 3880-2.

Вклинивание our несет функцию уточнения.

Отмечены случаи, когда в состав ФЕ вклинивается не одно слово, а целое словосочетание.

love is free /прот.-Уайтинг L 516; уз.-СТ, А, 1606;
 совр.англ.- love is free/

Love is a thing as any spirit free.

СТ, F, 767.

Во всех приведенных выше примерах в синтаксическую структуру ФЕ непосредственно включаются дополнительные элементы к одному из компонентов ФЕ. Однако Чосер употребляет и двойное вклинивание, когда в одной ФЕ два компонента расширяются переменными элементами.

to kisse as doves /прот.- Уайтинг D 366/

But men mighte seen hem kisse there,

As it two yonge doves were.

Ром., А, 1297-8.

В ФЕ to kisse as doves глагольный компонент уточняется наречием there, а номинальный компонент имеет два окказиональных эпитета two yonge.

Другой пример:

to wet one's whistle /прот.-Уайтинг W225, совр.

англ.- to wet one's whistle/

As any jay she light was and jolyf,

So was hir joly whistle wel y-wet.

СТ, А, 4154-5.

Эти слова характеризуют жену мельника из "Рассказа Махордома". Каждое из этих вклиниваний релевантно в этом рассказе. Жена мельника любит выпить (hir whistle wel y-wet), по характеру она женщина веселая (joly whistle). Слово joly представляет собой перенесенный эпитет. Грамматический

тически оно относится к *whistle*, а по смыслу — к самой женщине. Рассматриваемый нами пример является подтипом вклинивания — вклинивание смещенного определения. Оно употребляется для художественной конкретизации образа — выделяет одну из присущих ему черт и выражает отношение автора к персонажу.

Таким образом, вклинивание нарушает непрерывность структуры ФЕ при помощи изменения состава ее компонентов и влечет за собой семантические и стилистические изменения.

2. Замена компонента ФЕ

При замене количество компонентов ФЕ остается неизменным. Один из компонентов первоначального лексического состава ФЕ полностью вытесняется и замещается новым компонентом. В произведениях Чосера замена представлена несколькими разновидностями как синонимического, так и антонимического характера. Случаи паронимической замены не засвидетельствованы. Могут заменяться начальные, средние или конечные компоненты.

to be one's owene man /прот.- Большой оксфордский словарь, т. VI, с. 100; совр. англ.- to be one's own man/

I am myn owene woman, wel at ese.

I thanke it god, as after myn estat;

Right yong, and stonde unteyd in lusty lese,

With-outen jalousye or swich debat;

Shal noon housbonde seyn to me "chekmat!"

TC, II, 750-4.

Во ФЕ to be one's owene man Чосер заменил конечный — стержневой — компонент *man* словом *woman*. Это очень показательно, так как эти слова Крессида говорит сама о себе, а мы знаем из поэмы Чосера "Троил и Крессида", что Крессида была вдова, она ни от кого не зависела и в какой-то мере могла распоряжаться собой по сравнению с другими греческими женщинами того времени. Обращает на себя выбор Чосером компонента-заменителя *woman*. *Man* и *woman* —

слова одного и того же тематического ряда. Между ними имеется звуковое сходство, которое можно назвать эпифорическим. Сама замена носит антонимический характер. Использование этого приема Чосером в XIV веке означает, что исходная форма ФЕ *to be one's owne man* была хорошо известна. Замена компонента ФЕ свидетельствует о большой гибкости и устойчивости лексического состава ФЕ уже во времена Чосера.

Рассмотрим еще некоторые примеры замены компонента ФЕ.

to do smb a gode torn /прот.- Хаймсон¹, с. 349;

совр. англ.- *to do smb a good turn*/

And heer is gold, and that ful greet plentee,

That shal departed been among us three.

But natheles, if I can shape it so

That it departed were among us two,

Hadde I nat doon a freendes torn to thee?

СТ, С, 811-5.

Эти строки из хорошо известного "Рассказа Продавца индугенций" о трех парнях, которые пошли на поиски Смерти и погибли от своей жадности, когда пытались разделить найденное ими золото. Чосер отходит от традиционной формы ФЕ *to do smb a good turn* и заменяет компонент *gode* словом *freendes*. Заметим смысловую близость между этими двумя словами. Это интересно проявляется в переводе ФЕ *to do smb a good turn* на русский язык - "оказать кому-либо дружескую услугу"².

¹ Нюамсон А. М. A Dictionary of English Phrases. Detroit, 1970.

² Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь, с. 966. (Подчеркнуто нами - А. Н.)

Анализируя соотношение компонентов-заменителей и заменяемых компонентов, Л.М. Болдырева полагает, что связь между ними "может быть только морфологическая, выражающаяся в принадлежности к одной и той же части речи"¹. Однако исследуемый нами материал показывает, что высказанное этим автором мнение является спорным. Оппозиция *god:freendes* состоит из разных частей речи — имя прилагательное: имя существительное в притяжательном падеже, общим же для них является их атрибутивная функция.

Большинство исследователей указывает, что узувальная синтаксическая структура при замене не меняется. Данное положение нуждается в уточнении. В рассматриваемом примере это действительно так, если не придерживаться традиционного понимания структуры, основанного на частях речи, а исходить из формальных элементов языковой структуры (вслед за Ч. Фризом и Н. Хомским). Только в этом случае мы можем считать, что перед нами одна и та же структура, и оба слова принадлежат к одному классу — А.

Замена компонента ФЕ может внести в ее структуру изменения и другого рода.

god spede yow /прот.- Большой оксфордский словарь, т. X; с. 565; уз.-СТ, А, 2558 и др./

And if thee list here sterven as a wrecche,

A-dieu, the devel spede him that it recche!

ТС, IV, 629-30.

В данном примере Чосер заменил начальным компонент *god*. Благодаря семантике компонента-заменителя *devel* значение ФЕ меняется — от самых лучших пожеланий (Да сопутствует ему удача!) превращается в противоположность. Это единственный случай окказионального преобразования среди неоднократных употреблений среднеанглийской ФЕ *god spede yow*. Если сравнить структуру исходной и преобразованной единицы, то мы видим, что происходит изменение в употреблении артикля в соответствии с общими правилами употребления артикля с существительными *god* и *devel*: *god* употребляется

¹ Болдырева Л.М. Канд. дисс., с. 182 (Разрядка наша — А.И.)

без артикля, а *level* употребляется с определенным артиклем в среднеанглийском и современном английском языках как в свободных сочетаниях, так и в ФЕ.

Из рассмотренных выше примеров ясно, что при замене компонента ФЕ основная синтаксическая структура сохраняется. Но возможны и некоторые модификации структуры, как например, употребление другой части речи в той же синтаксической функции или изменения в употреблении артикля.

Замена нескольких компонентов ФЕ в произведениях Чосера не засвидетельствована.

3. К о н т а м и н а ц и я

Разные виды контаминации на современной стадии развития языка рассмотрены в работах Л.И. Ройзензона, И.В. Абрамца, С.И. Ройзензона, А.М. Бабкина и др. Фразеологическая контаминация представляет собой слияние двух или нескольких ФЕ, имеющих общие компоненты, но с обязательным усечением хотя бы одного из них. С.И. Ройзензон указывает на утрату компонента как минимум у одного фразеологизма¹.

В произведениях Чосера контаминация является распространенным видом оказациональных изменений ФЕ. Начальный компонент контаминируемых единиц совпадает² (как это видно из всех приводимых ниже примеров). Большинство контаминированных ФЕ являются одноструктурными.

to set one's herte on smb /прот.- Словарь среднеанглийского языка, ч. II 3, с. 712; совр. англ.- *to set one's heart on smb/*

to set one's minde on smb /прот.- Большой оксфордский словарь, т. VI, с. 460; совр. англ.- *to set one's mind on smb/*

As she that hadde hir herte and al hir minde
On Troilus y-set so wonder faste,

¹ Ройзензон С.И. Глагольные компаративные фразеологические единицы в современном английском языке. Канд. дисс. И., 1972, с. 308.

² Это явление отмечено А.М. Бабкиным в кн.: Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970, с. 39.

That al this world ne mighte hir love unbinde,
Ne Troilus out of hir herte caste.

TC IV, 673-6.

Эти две ФЕ объединяются в одном обороте на основе общего компонента *to set*. В результате контаминации возникает новое значение, объединяющее в себе значение данных ФЕ.

В редких случаях синтаксическая структура контаминированных оборотов не совпадает.

to hold (by) the brydel /прот. - Уайтинг В 535/

to hold at (the) staves ende /прот. - Уайтинг S 653/

His newe lady holdeth him so narowe

Up by the brydel, at the staves ende.

Anel., 183-4.

Самым излюбленным видом контаминации, которым пользуется Чосер, является контаминация КФЕ, и среди них адъективных КФЕ. При контаминации две КФЕ объединяются на соединительной основе союзом *or* или реже *and*.

(as) blak as (a) bery /прот. - Уайтинг В 257/.

(as) blak as (any) slo /прот. - Уайтинг S 385; уз. -

СТ, А, 3246; совр. англ. - (As) black as a sloe/

Ful croked was that foule stikke,

And knotty here and there also,

And blak as bery, or any slo.

Rom., A., 926-8.

Структура контаминированных КФЕ в произведениях Чосера имеет две разновидности:

1) общим компонентом является имя прилагательное;

as A as $\begin{cases} N \text{ КФЕ}^I \\ N \text{ КФЕ}^2 \end{cases}$

(as) derk as pich /прот. - Уайтинг Р 234; совр. англ.

(as) dark as pitch/

(as) derk as the cole /прот. - Уайтинг С 325/

Derk was the night as pich, or as the cole.

СТ, А, 3731.

2) общим компонентом является имя существительное.

as N as $\left\{ \begin{array}{l} \text{А КФЕ}^1 \\ \text{А КФЕ}^2 \end{array} \right.$

(as) yelwe as (any, the) gold /прот.- Уайтинг G294;
 совр.англ.- (as) yellow as gold/
(as) brighte as (any, the) gold /прот.- Уайтинг G294;
 совр.англ.- (as) bright as gold/

In-stede of cote-armure over his harnays,
 With nayles yelwe and brighte as any gold,
 He hadde a beres skin, col-blak, for-old.

СТ, А, 2140-2.

Выбор ФЕ, подвергаемых контаминации, чаще всего обусловлен их предметной или тематической близостью.

(as) brood as a bokeler /прот.- Уайтинг В 578;
 окк.-СТ, А, 3246/

(as) brood as a targe /прот.- Уайтинг Т 43/
 Up-on an amblere esily she sat,
 Y-wimpled wel, and on hir heed an hat
As brood as is a bokeler or a targe.

СТ, А, 469-71.

Контаминация здесь усиливает юмористический эффект описания.

В других случаях контаминируемые обороты являются синонимичными.

(as) sad¹ as a wal /прот.- Уайтинг W I3/
(as) constant as a wal /прот.- Уайтинг W II/
 And she ay sad and constant as a wal.

СТ, Б, 1047.

В некоторых случаях выбору контаминируемых ФЕ, возможно, способствовало их звуковое оформление, а именно аддитивная.

(as) blak as (any) coal /прот.- Уайтинг С 324; совр.
 англ.- (as) black as coal/

¹ Ср.англ. sad - совр.англ. stable, firm.

(as) blak as (a , any) crowe /прот.-Уайтинг, С 565;

совр.англ.- (as) black as a crow/

As blak he lay as any cole or crowe,

So was the blood y-ronnen in his face.

СТ, А, 2692-3.

Это предположение становится более вероятным, если принять во внимание, что, по данным словаря Уайтинга, в среднеанглийском периоде имелся целый ряд КФЕ с компонентом blak: as blak as (a) bery, as blak as (any) git, as blak as (any, the) pich, as blak as (any) slo, as blak as a raven, as blak as feend, as blak as inke, as blak as soote, as blak as the helle, as blak as thonder и др.

Контаминация глагольных КФЕ встречается реже.

to live as a brid /прот.-Уайтинг В 313/

to live as (a) beste(s) /прот.- Уайтинг В 142/

They live but as a brid or as a beste.

СТ, Э, 1281.

В произведениях Чосера в условиях узкого контекста контаминации чаще всего подвергаются две КФЕ. Однако отмечены случаи, когда контаминируются три ФЕ. В качестве примера можно привести описание молодой жены плотника в "Рассказе Мельника";

(as) swete as bragot /прот.- Уайтинг В 495/

(as) swete as (any , the) meeth /прот.- Уайтинг М 431/

(as) swete as apples /прот.- Уайтинг А 159/

Hir mouth was swete as bragot or the meeth,

Or hord of apples leyd in hey or neeth.

СТ, А, 3261-2.

В целях усиления эффекта образности Чосер контаминирует три КФЕ. Лексический состав третьей КФЕ расширен дополнительными компонентами. Все три КФЕ имеют общий элемент swete. Они соединены при помощи союза or.

А.М.Бабкин считает, что контаминация трех ФЕ "как прием стилистического характера подлежит бесспорному бракованию¹". Исходя из чосеровских примеров подобного исполь-

¹ Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники, с.49.

зования ФЕ трудно согласиться с этим категорическим утверждением. Целесообразность применения такого рода контаминации определяется только мастерством писателя.

Итак, контаминация в произведениях Чосера является специальным стилистическим приемом, результатом сознательного преобразования. Контаминируются чаще всего КФЕ, ибо они легче поддаются контаминации и больше нуждаются в обновлении в связи с слишком частым употреблением в речи, и, как следствие, утратой образности.

Хотя в пределах настоящей статьи невозможно рассмотреть все разновидности окказионального употребления ФЕ в произведениях Чосера, но и приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что это явление носит продуктивный характер. В английском языке оно имеет многовековую историю¹. В этом отношении мы не можем согласиться с Л. Ф. Свиридовой, которая считает, что добавление и вклинивание Шекспиром переменных компонентов в состав потенциальных ФЕ является *з а ч а т к о м* современных окказиональных изменений². Исследование обширного фразеологического материала из различных произведений Чосера, написанных за 200 лет до Шекспира, показывает, что Чосер мастерски пользовался фразеологическими инновациями и благодаря большой популярности произведений Чосера эти преобразования послужили основой окказиональных изменений в более позднее время.

¹ См. исследование окказиональных изменений ФЕ в произведениях Свифта: Стыцyna С. X. Из опыта изучения фразеологического наследия Д. Свифта. — В сб.: "Вопросы романо-германской филологии". Учен. зап. МПНИИ им. Ч. Тургенева, вып. 67. М., 1972, с. 211.

² Свиридова Л. Ф. К вопросу об окказиональных изменениях шекспировской фразеологии в современном английском языке. — В сб.: "Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков". Учен. зап. Казанского Ун-та, вып. 66. Казань, 1969, с. 28 (Разрядка наша — А. Н.).

Проведенный нами анализ окказиональных изменений ФЕ в произведениях Чосера показывает, что существует прочная связь между отдельными компонентами ФЕ и ее переносным значением. Преобразованные ФЕ могут быть поняты только читателями, которым они уже хорошо известны в их исходной форме.

Из приведенного материала видно, что фразеологизмы подвержены различным многообразным окказиональным преобразованиям. Они создаются по определенным принципам, которые составляют систему. Системность окказиональных стилистических приемов¹ сохранилась (конечно, развиваясь и изменяясь) в течение многих столетий.

В ряде работ по фразеологии отмечается, что окказиональные изменения ФЕ носят неупорядоченный и единичный характер, что они не воспроизводятся по традиции, а создаются на определенный случай по воле говорящего². Однако материал, проанализированный нами, свидетельствует о том, что это мнение является ошибочным. Правда, так называемые окказиональные варианты не воспроизводятся в точности лексически и грамматически, но принципы и приемы окказиональных изменений ФЕ, основные разновидности этих приемов исторически воспроизводимы, хотя и реализуются они по-разному. Приемы, которые мы находим у Чосера, в основном известны нам из литературы XX века. Умелое их использование придает яркость и произведениям Чосера.

Широко распространено мнение, что так называемые окказиональные варианты - допустимое отклонение от нормы³. Но отклонения от нормы, которые представляют собой систему, тоже есть норма.

¹ Мысль о системном характере окказиональных изменений ФЕ в современном английском языке впервые была высказана А. В. Куниным в 1964 году. См. Кунин А. В. Докт. дисс., с. 632-634; шадрин Н. Л. канд. дисс., с. 104.

² См. Соколова Н. К. К проблеме фразеологической вариантности. - В сб.: "Актуальные проблемы лексикологии", вып. II, ч. II. Новосибирск, 1969, с. 104.

³ Соколова Н. К. К проблеме фразеологической вариантности, с. 105.

Итак, распространенность и системность приемов окказиональных преобразований ФЕ в речи (а именно в текстах Чосера), их протяженность во времени (на данном отрезке от XIV до XX века) приводит нас к выводу, что окказиональные изменения ФЕ являются речевой нормой не только XX века, но и исторически представляют собой речевую норму, закономерность английского языка. Языковая норма и речевая норма — две стороны жизни ФЕ, это относительные противоположности, функционирующие в единстве в речевом процессе.

Анализ окказиональных изменений ФЕ в произведениях Чосера позволяет сделать некоторые выводы.

1) В произведениях Чосера мы наблюдаем основные приемы обновления ФЕ: вклинивание, добавление, контаминацию, синтаксическую деформацию, замену, развернутую метафору, буквализацию, фразеологическую зевгму, эллипсис, аллюзию, перифраз, нарушение стилистической дистрибуции и др. У Чосера эти приемы широко распространены. Они являются одной из характерных черт его индивидуально-авторского стиля.

2) Окказиональные изменения ФЕ свидетельствуют об устойчивости лексического состава ФЕ и прочности семантических связей между компонентами ФЕ уже во времена Чосера.

3) Окказиональные изменения ФЕ в произведениях Чосера носят системный характер.

4) Функции обновления ФЕ зависят от конкретного контекста; они соответствуют смысловому содержанию и информации, которую передает Чосер. Причинами преобразования ФЕ являются утрата образности и приобретение ими характера штампа.

5) Комментарии Чосера к преобразованиям ФЕ доказывают, что окказиональные изменения представляют собой осознанный и преднамеренный прием, используемый в целях придания дополнительной экспрессии ФЕ в речи.

6) Окказиональные изменения ФЕ в произведениях Чосера — закономерное и нормативное явление речевого процесса.

7) Окказиональные приемы преобразования ФЕ в произведениях Чосера послужили основой для окказиональных изменений в последующие эпохи.

Сокращения названий произведений Дж.Чосера:

- 1) Anel - "Anelida and Arcite";
- 2) BD - "The Book of the Duchesse";
- 3) Boeth - "Boethius de Consolatione Philosophie";
- 4) CT - "The Canterbury Tales";
- 5) HF - "The Hous of Fame";
- 6) LGW - "The Legend of Good Women";
- 7) Mars - "The Complaynt of Mers";
- 8) Rom - "The Romaunt of the Rose";
- 9) TC - "Troilus and Criseyde".

THE LINGUISTIC STATUS OF THE NOUN IN
"ing" IN MODERN ENGLISH

The gerund¹ up to now remains a grammatical enigma, offering a cluster of baffling questions calling for investigation. One of them is the linguistic status of the gerund in Modern English versus the linguistic status of the noun in -ing, from which the gerund historically developed. Otto Jespersen terms the gerund "a hybrid"² between the substantive and the verb. Historically the gerund is believed to be a hybrid between the verbal noun in "-ing" (or "-ung") and participle I whose old English ending "-ende" (or "-inde", "-ynde", "-ande") was replaced by "-inge" in Middle English. It seems expedient to make a short historical review before analysing the linguistic nature of the verbal noun in "ing" in Modern English.

The old English verbal noun was a pure substantive characterized by all the properties common to any noun. The origin of old English verbal nouns is open to challenge. There is a hypothesis in terms of which the Old English verbal noun was formed from another noun by means of suffixation.

---

¹ Gerund - n. LL gerundium fr L gerundus, gerundive of gerere to bare 1. a verbal noun in Latin that expresses the action of the verb as generalized or in continuance. 2. any of several linguistic forms analogous to the Latin gerund in languages other than Latin; esp.: the English verbal noun in "-ing" that has the function of a substantive and at the same time shows the verbal features of tense, voice and capacity to take adverbial qualifiers and to govern objects. (WENCD)

² Jespersen O. *Essentials of English Grammar*. London, 1933, p. 320.

H. Poutsma points out that "nouns in *-ing*" (or *-ung*) have been originally formed from nouns in a way which has its analogue in the formation of such words as "shirting", "schooling" in Modern English.¹

Some of the nouns from which the nouns in *-ing* (or *-ung*) were formed had weak verbs, the latter came to be looked upon as a source of this kind of derivation. It caused the formation of similar *-ing* (*-ung*) nouns from other weak verbs. According to H. Poutsma's hypothesis quite a long time had passed before this tendency was gradually extended to strong verbs. Some of the *-ing* nouns derived from strong verbs could be found in the last decades of the Old English period.

The coalescence of the verbal noun with participle I was due to their phonetic similarity in Middle English and their use in similar syntactical functions. H. Poutsma's¹ argumentation concerning the phonetical identity of the verbal noun and participle I seems convincing: the levelling commenced in those dialects in which the suffix of the participle was *-inde* (the South and some of the adjacent Midlands); with people speaking any of these dialects it may have been a habit to drop the nasal dental "n", replacing *-inde* by *-inne*"; the latter was frequently confounded with that of the verbal noun in *-inge*", the nasal phoneme being often supplanted by the back-nasal and vice versa in unstressed syllables after high-front or mid-front vowels; in Middle English the suffix *-inde* of Participle I took the form of *-ing*", while *-ende*" and *-ande*" died out, the suffix *-ung*" became obsolete, verbal nouns

---

¹ Poutsma H. Grammar of Late Modern English. Groningen, 1928.

have become formally identical with Participle I.¹

As to the syntactical functions the verbal noun and participle I had much in common;²

1) Used as the subject of the sentence the verbal noun was confounded with Participle I in the function of the post-positive attribute, as e.g.

"And when the schip scyllinge was ended...(Wic-
lif's Apology)

2) Used with a non-prepositional object the verbal noun was easily confounded with Participle I

... som tyme men heren voys of folk ... and Cokkes crowynge (The Voilage and Travail of Sir Maunde-ville).

3) Used in the function of the adverbial modifier the verbal noun had only one marker which distinguished it from participle I - the preposition, as e.g.

... "In prayer woke wid weping sare" (M.S.Götlingen)

... In preyere wake and wepung sore (M.S.Trinity)

The phonetical identity and the similarity of the syntactical functions led to the formation of a new form in

¹ It is essential to point out that there is another version of the origin of the gerund - the contamination of the verbal noun with the inflected infinitive in "-ende" (or "-inde"). See Poutsma H. A Grammar of Late Modern English, p. 91 Гуткина Д. Отглагольное существительное и возникновение герундия в среднеанглийский период. Канд. дисс. Л., 1967.

² Гуткина Д. Отглагольное существительное и возникновение герундия в среднеанглийский период. Канд. дисс. Л., 1967.

Middle English which V.N.Jartseva¹ calls "a transitional form" inasmuch as it combines both the substantive and verbal characteristics. This new form is frequently to be found in XIV century and later it came to be called the gerund. It is emphasized that the gerund in the course of time began to acquire a more verbal force. G.O.Curme stresses that "the gerund in the sixteenth century was felt as having strong verbal force, it began to appear with forms for voice and tense, which have become established".²

But on the other hand grammarians claim that the gerund was at first and is still in many respects a pure substantive³. Prof. A.I.Smirnitsky⁴ analysing verbals suggests their classification which divides the verbals into substantival and adjectival forms, the gerund belonging to the former.

The treatment of the gerund from grammarian to grammarian varies to such an extent that an attempt at sorting out, systematizing various approaches seems futile. Anyway, it is possible to detect, roughly speaking, two major tendencies. Some grammarians such as H.Sweet⁵, E.Pence⁶ differentiate between the true gerund, Participle I

¹ Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка . М., 1960, с. 136.

² Curme G.O. A Grammar of the English Language . New York, 1931, vol. 3, The Gerund, §50, 1.

³ Jespersen O. "Some Disputed Points in English Grammar". BEP Tracts N 25. Oxford, 1927, p. 147.

⁴ Смирницкий А.И. Морфология английского языка . М., 1959, с. 249.

⁵ Sweet H. "A New English Grammar". part II, Oxford, 1898.

⁶ Pence E. "A Grammar of Present-Day English". New-York, 1963, p. 310.

referring to them as "ing-forms" classifying the latter into 1/ independent ing-forms (in the syntactical functions of the subject, the predicative, the parenthesis, the predicate) and 2/ dependent ing-forms, serving as an adjunct to a verb, to a noun or to an adjective.

O. Jespersen uses "ing" as a comprehensive technical term for those English forms which from a syntactical point of view must be considered as two different things, a gerund and a participle.¹ O. Jespersen does not regard the gerund and the verbal noun as different linguistic entities. He calls the gerund a nexus-substantive regarding such ing-formations as "sayings", "buildings", "savings", "the beginning", "a good beginning", "any beginning", "public speaking" as gerunds.²

A certain solution to the problem might be found if the historical development of the gerund and the modern tendencies of its development were viewed from the point of view of the interrelatedness of the grammatical and lexical aspects of the language.

R. Bugeraki³ is right in ascertaining that grammar and lexis should not be thought of as entirely separate compartments but as "overlapping and generally interrelated areas broadly defined by the preponderance of a specific type of patterning". Not all the sections of the language are equally grammatical or lexical.

¹ Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical principles. Part V, Vol. 4. Copenhagen, 1940, p. 86.

² Jespersen O. Essentials of English Grammar. Ch. XXXI. London, 1933, p. 320-321.

³ Bugarski R. On the Interrelatedness of Grammar and Lexis in the Structure of English. Lingua, vol. 19 N3. Amsterdam, 1968, p. 233.

and the verbal noun in "-ing". It is of interest to point out that H.Sweet was one of the first to introduce the term 'half gerund' for such ambiguous cases as "I do not like him coming here".

There is another group of grammarians who are inclined to treat the gerund, the verbal noun in "-ing" and Participle I indiscriminately.

E.Kruisinga,¹ for instance, unites the gerund, the verbal noun and Participle I as Verbal Ing. The latter, in his opinion, have the following functions:

(1) as a prepositional adjunct, as e.g.

... "trace the map by laying your paper on top

(2) as a plain (i.e. non-prepositional) adjunct, including plain objects as e.g.

... "he nearly died laughing"; He made considerable money cherry-growing;... the slowly surg-ing crowds"

(3) as the subject of the sentence, as e.g.

Doing one's bit... had its agreeable side

For E.Kruisinga clear-cut syntactical distinctions such as 1/ the function of the attribute characteristic of Participle I, as e.g. "surging" in "the surging crowd"; 2/ the function of the subject, object or predicative typical of the gerund proper, as e.g. "doing" in "Doing one's bit... had its agreeable side"; 3/ the use of "ing" forms as part of compound nouns, as e.g. "cherry-growing", do not seem relevant enough to distinguish the gerund from Participle I and the verbal noun.

In similar fashion our Soviet linguists E.M.Gordon and I.P. Krilova in their new manual "The English Verbals"² treat the gerund and Participle I as a single form,

¹ Kruisinga E. A Handbook of Present-Day English. Part II, §95. Groningen, 1931.

² Gordon E.M., Krilova I.P. The English Verbals. M., 1973, pp. 120-182.

It is relevant to determine the amount of "grammaticality" or "lexicity" the language event is characterized by.

There are two general tendencies in the historical development of the gerund, tendencies opposed to each other; the verbalization of the gerund on the one hand and its substantivization on the other. Both of them are the manifestations of two major tendencies of language development: the grammaticalization of lexical units and the lexicalization of grammatical forms.

The grammaticalization of a lexical unit is the desemantization of a word, the transition of a word into a grammatical form, the former acquiring a more abstract grammatical meaning, its old lexical meaning weakened or lost, as e.g. the formation of the auxiliary verbs "shall" and "will" from the notional Anglo-Saxon verbs; the formation of the definite article "the" from the Old English pronoun *þæt*. The formation of lexical intensifiers of the kind, "dazzling", "dead", "damned", "kind of", "a shade", "a trifle", etc. is a good example of the active process of grammaticalization which affects different Class Words (according to Ch.Fries) and word combinations turning them into Function Group D Words (in terms of Ch.Fries's classification)¹, as e.g.

"His skin was dazzling white, milky like satin"
(MTL 120)

"I was dead stuck on her then" (MFL 187)

"Damned strange people; that would be a damned
good thing" (HSS 266)

---

¹ Function Group D consists of adverbs of degree :
"very", "rather", "too", etc. See Fries Ch. The Structure
of English . London, 1963, pp. 92-94.

"I'm kind of cold" (MDRU 8)

The change, transition of a Class word into a Function word is the formal criterion of grammaticalization, its most essential feature.

Lexicalization may be defined as the isolation of a morphological variant of the grammatical paradigm, the transition of a grammatical form into a new lexical unit, in other words lexicalization spells the transformation of a grammatical form into a word.

There are some grammatical forms in Modern English which easily undergo the process of lexicalization: the noun in the plural¹, Participle I and Participle II.²

Let us try to analyse the linguistic status of the gerund and that of the "ing" noun from the point of the two tendencies discussed above, i.e. the grammaticalization of lexical units and the lexicalization of grammatical forms. The grammaticalization of the gerund finds its concrete manifestation in its verbalization which has resulted in the

¹ Перельман С. Категория числа существительного в современном английском языке". Канд. дисс. Л., 1965. Сильченко В. К вопросу об обособлении словоформ множественного числа существительных в английском языке. Канд. дисс. М., 1963. Токмоджан С. Формы множественного числа имен существительных, имеющих обособленное значение в современном английском языке. Канд. дисс. Ереван, 1961.

² Маилова И. The lexicalization of grammatical forms (Participle I and II) as a means of replenishing Modern English Vocabulary". Proceedings, "Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков". Riga, 1972, pp. 31-45.

gerund entering the grammatical paradigm of the English verb as such. E. Kruisinga is absolutely right in saying that "any verb that can be considered as a verb of the usual type may be said to have a form in -ing either actually or potentially"¹. Thus in Modern English the gerund is part and parcel of the verbal paradigm, one of the morphological variants of the verbal system.

The verbalization of the gerund facilitated by the formal identity of the gerund and the participle has been very gradual and at present the verbal "vigour" of the gerund is so obvious that some grammarians are inclined to treat the gerund even like a finite verbal form. O. Jespersen² emphasizes some syntactical characteristics of the gerund which make it very much akin to the finite form of the verb: the use of adverbs freely with the gerund, the taking of an object without a preposition and the fact that the gerund may be preceded by "there" as "lesser subjects". Hence, the linguistic status of the gerund proper is - the morphological form, variant of the verbal paradigm, with "-ing" as a form-building suffix.

One of the most staggering peculiarities of the gerund lies in the fact that one and the same form undergoes the process of grammaticalization and simultaneously or parallelly is affected by the reverse tendency - lexicalization.

When discussing the grammaticalization of the gerund we are in a position to spot the most crucial period, the most decisive century when the verbalization of the gerund was of a global character - XVI century. It is dif-

---

¹ Kruisinga E. A Handbook of Present-Day English, part II, § 74.

² Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part V, vol. 4, The Gerund 8.1(6).

ferent with lexicalization. Here the process is never all-embracing. It is individual, specific, pertinent to the concrete semantic structure of a given word inasmuch as lexicalization deals with word-building at large.

We may detect two levels of the lexicalization of the gerund: the first level might be termed the grammatical level, the second - the semantic level. At the first level the ing-form semantically remains linked with the gerund proper, but grammatically the gerund breaks away with the verbal paradigm.

The chief points of difference between the gerund and the "ing" noun.

1/ The gerund proper has tense and voice distinctions, the lexicalized gerund has none. It is noteworthy that only one tense and voice form - the Simple (Indefinite or Present) Gerund in the Active Voice - undergoes the process of lexicalization, the other forms being not involved.

2/ The lexicalized gerund has noun characteristics, i.e. the lexicalized gerund has all the distributional, functional and substitutional characteristics of regular class I words.¹

a) Like regular class I words the lexicalized gerund may be modified by Function Group A words², as e.g.

... "suddenly a clanging quelled the tumult"
(CSS 15)

¹ Class I consists of nouns and their equivalents. See Fries Ch. The Structure of English, pp. 76-79.

² Function Group A consists of markers of class I words: the, a/an, some, any, no, my, your, each, both, few, many, more, most, John's, etc. See Fries Ch. The Structure of English, pp. 88-89.

... "he had hopes of converting me in the manner of a brand plucked from the burning" (CSS 22)

"As I wrote I followed ... many principles of the novel which my reading of the novel of other writers had made me feel were necessary for the building of a well-constructed book" (WNS xxxi)

Despite Mother's misgivings ... the business of the Royal Dutch Yeast had made a most auspicious start (CSS 20)

"The frog's croaking swelled" (HG 65)

b) The gerund proper may be modified by class IV words¹, whereas the lexicalized gerund by class III words.²

Gerund proper

Taking our order so readily was a fine gesture of hospitality... (GMM 3)

Lexicalized gerunds

... I'll find it necessary to use a stream of consciousness technique... descend to a direct rendering of a dream state (WNS xxxi)

... I tried to approach Bigger's snarled and confused nationalist feeling with conscious and informed ones of

¹ Class IV consists of words functioning like adverbs and their equivalents" there, finally, upstairs, up, etc. See Fries Ch. The Structure of English, pp. 83-86.

² Class III consists of words functioning like adjectives and their equivalents: large, best, eighth, unsightly, outstanding, etc. See Fries Ch. The Structure of English, pp. 82-83.

my own (WNS xxIV)

I heard a measured knocking at
the door (KR NP 25)

Like Class I words lexicalized gerunds may be used
both in the singular and in the plural, as e.g.

"Quite a peculiar finding", Burton said
(CAS 75)

"In view of the findings of the Medical Exami-
ner it was proven that the man had died from
natural causes" (GCMX X)

There are three more essential points of differen-
ce worth discussing. Like regular verbs (Class II words) ge-
runds may have adverbial particles or postpositions¹ used
1/ to characterize the aspect shadings of the action (the
completion of the action), as e.g.

... "the small things would cease cluttering
up his life" (HC 17)

2/ to modify the lexical property of the verbal meaning

... "I came to know of his dropping out"
(BKUDS 19) (to drop out - бросать школу)

In case of lexicalized gerunds adverbial particles
or postpositions get easily fused with the "ing" noun, as
e.g.

"She is ready to devote all her energy to the
upbringing of the boy"... (AP 405)

... "the excitement of offloading and unwrap-
ping the sections" (DGE 349)

The pairs of the type

to bring up - upbringing

to load off - offloading

---

¹ Жлуктенко В.А. Постпозитивные глагольные приставки в
современном английском языке. Канд. дисс. Киев, 1953.

are quite common in Modern English, but one must bear in mind that Modern verbs themselves may easily get blended with adverbial particles. If this is the case, then the gerund and its lexicalized counterpart are built according to the verb pattern, as e.g.

... "he could wash-up presently" (PRN 83)

"There is the washing-up to do..." (PRN 83)

The gerund proper expresses the idea of negation by means of the particle "not" which, according to Ch. Fries, is a formal marker of Class II Words, and as such "not" belongs to Function Group C.¹ The lexicalized gerund builds its negation by means of the word-building element "un-", as e.g.

"I was reprimanded for not coming in time"...

(AP 112)

"Suppose we move an overall charge for crating and uncrating" (DGG 523)

In the first case "not coming" is a gerund proper (like a regular notional verb it forms negation by means of the negative particle "not"). In the second case "uncrating" should be regarded as a lexicalized gerund by virtue of the fact that "un-" is a word-building prefix which may be added to nouns, adjectives or verbs, to express the idea of negation forming not negative grammatical forms but new lexical units.

In the sentence "suppose we make an overall charge for crating and uncrating" the regular gerundial negative expected to be here is "not crating."

The last remark concerning the points of differences between the "ing" noun and the gerund is of a transformational character.

Only the gerund proper being related to the verb

---

¹ Fries Ch. The Structure of English, p. 92.

may undergo transformations of expansion with restored prepositions:

a/ ... "We could find someone to give you singing lessons." (HC 54)

singing lessons - lessons of singing

b/ "I had cows there, and some riding horses" (HC 51)

riding horses - horses for riding

The "ing" nouns "singing" and "riding" are not to be met with in similar syntactical functions and their transformational potential is reduced to the morphological changes pertinent to the regular noun discussed on pp.71-72

Cf. Dondolo heard the singing of the officers (HC 87)

... do some singing, like I say (RNP 63)

Such regular ridings seemed tiring... (AP 505)

In Modern English the gerund remains a gerund as long as it enters the grammatical paradigm of the verb, i.e. the gerund remains a gerund proper as long as it continues to be one of the morphological variants of the verb. As a morphological variant of the verbal paradigm the gerund semantically does not differ from the verb it is derived from, as e.g.

"What are you fighting for?" (HC 91)

... "if it ever came to fighting, I would be unfortunate indeed with such comrades".

(KRN 95)

"Let's straighten this out, first" (HC 47)

Before anyone was able to begin straightening it out ... (HC 47)

"About the only ones who go to fight the French or Indians are those who enjoy going, or those who make more by going than they could by staying home". (KRN 29)

The grammatical forms "are fighting" (to) "fighting" differ grammatically, as to their lexical properties they are alike. The same is true about the grammatical forms "straighten out", "straightening out" and "go" and "going". Differing respectively as to their grammatical characteristics the pairs have one common denominator - the same lexical meaning. At the first level of lexicalization the "ing" form semantically does not, in actual fact, go astray; in all the examples analysed above (p 72) the ing-forms "a clanging", "the burning", "my reading of (the novel)", "thefrog's creaking", "a direct rendering" etc. are lexically closely linked with the corresponding gerunds proper. But there are cases when lexicalized gerunds undergo a change of meaning, getting divorced from the idea of action.

Otto Jespersen points out that the gerund may acquire a "completely concrete signification and thus is more or less detached from the verb from which it is formed: "buildings",

"drawings",

"savings",

"leavings",

"blessings" ¹

The "completely concrete signification of meaning" is observable at the second level of lexicalization.

The second level of lexicalization is the semantic differentiation of the gerund, its getting semantically detached from the verb the gerund is related to. One must admit that the semantic detachment is closely connected with the grammatical changes the gerund undergoes at the first level of lexicalization: the use of the article sug-

---

¹ Jespersen O. Essentials of English Grammar. London, 1933, p. 320.

gests a much more concrete manifestation of the action than the gerund proper; the use of the ing-form in the plural as opposed to its singular formation enhances the concrete character of the action, affecting the lexical properties in a most aggressive way. All this brings forth, provokes a pronounced semantic shift which makes itself felt in such cases as "clothing", "clipping(s)", "opening", "proceeding(s)", "scattering," etc.

The semantic shifts will be analysed synchronically - the way the semantic structure of the "ing" nouns is presented in Modern English with certain diachronical characteristics. The diachronical data come relevant when summing up the process of the lexicalization of the gerund as such.

If the gerund "clothing" denotes the process of an action, its lexicalized counterpart signifies substantivity (a clothing - одекла), as e.g.

"His skin tingled slightly as he entered the last room, which contained clothing" (CAS 116)

"Hall's yellow clothing, thought he had worn it just an hour, was incinerated" (CAS 11)

The first cases of the substantivization of "clothing", or in a broader sense, the first cases of its lexicalization are registered in OD¹ as belonging to XIII century:

1275 Lev. 3187. Ich the wole hire bewete, mid seolue hire clothing. ("clothing" used in the meaning of clothes collectively, apparel, dress").

---

¹ OD The Oxford English Dictionary on Historical Principles. The Clarendon Press, 1933.

When analysing such examples as

"He set them both to making rugs from a pile of clippings" (SKD 45)

"Once a week, we had a Current Events period. The rural children ... brought clippings from what they called The Grit Paper"...

(LKM 246)

we are brought to believe that the word "clippings" is used here as a regular noun. The form "clippings" presents a fully lexicalized gerund, i.e. a gerund which has developed into a noun by virtue of lexicalization. The semantic properties of "clippings" single it out as a separate lexical unit which deserves a special lexicographical entry the way it is done in D.Gal.:

- Clipping I
- 1) н. газетная вырезка
  - 2) обривание, подрезывание; стрижка;
  - 3) лингвистич. сокращение слов
  - 4) рл. 1/обрески, вырезки
2/настриг
3/мелкий лом
  - 5) радио. ограничение сигналов, "подрезывание" импульсов¹

According to OD the first cases of the lexicalization of "clipping" are found in the middle of XV century:

1461 - 83

"His parte of the clippinges and fees" ("clippinges" is defined in a broad way - ... a small piece clipped off, a cutting, paring, shaking; a shred of cloth, a portion pared from a coin, etc.).

---

¹ Cf. the semantic structure of the word in WSNGL - "clipping" n.: something that is clipped off or out of something; esp: an item clipped from a publication.

The majority of examples with "clipping" as "vbl sb" (a verbal substantiva) collected in OD refer to XVII-XIX centuries.

The form "opening" apart from some lexico-semantic variants which link "opening" with "to open" has some very specific meanings, which make it possible and necessary to treat "opening" as a separate unit, as e.g.:

opening:

2. Расщелина; проход (в горах)
3. Начало; вступительная часть
4. 1/ театр; первое представление
2/ кино; первый экран
5. Благоприятная возможность, удобный случай
6. Вакансия
7. Амер. вырубка (в лесу), просека
8. Амер. выставка мод в университете
9. Юр. предварительное заявление защитника
10. Спец. зев (дробилки, ключа);
раствор (циркуля), etc.(I.Gal.)

The earliest cases of the substantivization of the gerund "opening" registered in OD are chiefly traced back to XVII, XVIII and XIX centuries, as e.g.

1660 Trial Regic. 77 /We/ cannot hear you to speak that upon your opening which is treason. (here "your opening" is used in the meaning of "the statement of the case made by counsel to a court of law preliminary to adducing evidence").

1793 Burke Lett., to Sir Elliot Corr. 1844 IV, 153. Here is an opening which, if neglected, by our government... they will one day sorely repent. ("an opening" - "an opportunity, a circumstance or combination of circumstances which offers a chance of advantage, success or gratification".)

1838 Mem. Grimaldi II, xxii, He played Frizzle in the opening, and afterwards the Lover ("the opening" - "the introductory or burlesque part of a pantomime preceding the

harlequinade").

The form "proceedings" has deviated from the semantic structure of the corresponding verb. One is made fully aware of it when comparing the following lexicographical entries in I.Gal.

<p><u>proceed</u> v. 1. Продолжать (путь)</p> <p>2. Продолжать (говорить и т.п.)</p> <p>3. 1/ возобнов- лять 2/ продолжаться</p> <p>4. 1/ переходить, приступать(к чему-л.) 2/ поступать, действовать</p> <p>5. Развиваться, протекать</p> <p>6. происходить, исходить</p> <p>7. юр. возбуждать (процесс)</p> <p>8. Получить более высокую ученую ступень</p>	<p><u>proceeding</u> n.</p> <p>1. Поведение, поступок</p> <p>2. 1/ pl. работа, дела daily proceedings - текущие дела 2/ юр. судебное разби- рательство; судебная процедура proceedings in civil causes - гражданское судопроизводство</p> <p>3. pl. 1/ труды, записки (на- учного общества) 2/ судебное дело, су- дебные протоколы.</p>
---	---

The substantivization of the word "proceeding" had not begun until XVI century, as OD shows:

1553 Brende Q. Curtins IV. 39. The Tyrians were as different to invent all such things as might give impediment to their proceeding. ("proceeding" used in the meaning of the carrying of an action or series of actions; action, course of action; conduct...")

1546 Reg. Privy Council Scot. l. 66. "Dischargis the ... officiaris, of all arresting, atteching, unlawng, calling or proceding aganis the said George." ("proceding" used in the meaning of ... " a legal action or process"...)

Some lexico-semantic variants of the word "proceeding" developed much later, as e.g. the lexico-semantic variant determined in OD as "a record or account of the doings of a society"...

1830 (title) "Proceedings of the Royal Society".

When analysing the semantic peculiarities of the form "scattering" in examples and different lexico-graphical entries, we are led to believe that "scattering" is, in actual fact, a new lexical unit, a noun which has sprung into existence as a result of the lexicalization of the corresponding gerund.

"But nothing ever did that could not be solved by an erratic scattering of fists among the gangways"
(SkD 119)

- scattering -n. 1. 1/разбрасывание, рассеивание, распространение;
2/физ. рассеяние;
2. Небольшое количество; a mere scattering of followers - небольшая горсточка сторонников;
3. Утруска. (I.Gal.)

- scattering n. 1. an act or process in which something scatters or is scattered
2. something scattered; esp. a small number or quantity interspersed here and there (a scattering of visitors)
(WSNCD)

The substantive "force" of the word scattering, its "specific signification" of meaning is most palpably felt in the lexico-semantic variant defined as "a small number or quantity interspersed here and there". The latter had

not developed until XVII century, as e.g.

1628 Earle Microcosm xxxii G. He has his sentences for company, some scatterings of Seneca and Tacitus.

After analysing the historical peculiarities of the substantivization of 50 polysemantic "ing" forms of the type: booking, belonging(s), bending, clipping(s), cutting, drawing, doing, dealing(s), filling, filming, filings, flagging, fixing, fitting, grating(s), greating, gathering, gleaning, hanging(s), landing, lodging(s), legging(s), palling(s), picking(s), pasting, rating(s), railing(s), scraping, siding, shaving(s), sounding(s), shifting, serving, servicing, scratching, setting, settling, streaming, tipping(s), trimming(s), tracing, trapping(s) (the way the historical development is presented in OD) one is brought to believe that the most intense, aggressive period of the lexicalization of the gerund starts with XVI century further on up to XX century, the tendency towards lexicalization increasing with every century. Taking into consideration the grammatical and semantic changes wrought in the gerund undergoing the process of lexicalization we may conclude that the lexicalized gerund functions like a regular full-blooded noun, this lexicalized gerund, in fact should be differentiated from the gerund as such and termed differently. The lexicalized gerund may and, probably, should be called a gerundial noun, the term "verbal noun" being reserved for the Old English noun the gerund originated from.

There is a relevant question to be discussed before one can draw some conclusion about the linguistic status of the gerundial noun. What is the linguistic nature of the morpheme "-ing" in such cases as "clothing", "clipping", "proceeding", etc.?

While the purely gerundial "-ing" may be regarded as a form-building suffix in Modern English, inasmuch as it may be added, practically speaking, to any verb, save

for modal and some auxiliary verbs, the "-ing" in gerundial noun is of a different quality. Not every verb has a noun in "-ing".

It is remarkable that there are cases in Modern English when "-ing" may be added to the noun stem, not to the verb. Let us analyse such examples as

"The boy made an awkward legging". (AP 139)

"Vera picked up a yesterday's "Post" from the bench to read, while Brian with rolled-up leg-gings stepped cautiously into the water"

(SKD 20)

"His leggings were buckskin, with a flap below the knee." (KRNP 63)

Prof. I. Galperin treats "legging" and "leggings" as different lexicographical entities:

legging n. - расшаркивание, поклон
(I. Gal.)

leggings n. pl. 1. Гамаша, гетры
2. 1/ краги
2/ обмотки
3. Детские рейтузы
(I. Gal.)

Under closer scrutiny of the semantic peculiarities of the words "to leg" and leg -n.¹ we are to conclude that the "ing" noun "legging" is semantically related to the verb

¹ Cf. leg v. 1. pass. to leg it	leg n. 1. 1/ нога
а/ходить, шагать	(от бедра до ступни)
в/ (у)бежать	2/ нога, лапа
2. Проталкивать, тол- кать	(животного)
3. Спорт. захватить	2. Голень
ногой (мяч)	3. Нога
4. Ударить по ноге. I. Gal.	(часть туши), etc., I. Gal.

"to leg", whereas the "ing" noun "leggings" is semantically linked with the noun "leg". Hence, in case of "leggings" "ing" is added to the noun stem. In similar fashion the "ing" noun fairing (1a ; a present bought or given at a fair b; gift 2. Brit. deserts WSNCD) is derived from the noun "fair".

In the "ing" noun "offing" (1/ the part of the deep sea seen from the shore ; 2/ the near or foreseeable future or the near distance WSNCD) the suffix "-ing" is added to the adverb "off".

All this makes us come to the conclusion that "-ing" should be regarded as a word-building element, a word-building suffix which may be added not only to verbs.

When analysing the formations "legging" and "leggings" we could not but notice that the formation in the plural semantically gets isolated from its form in the singular. This phenomenon must be paid special attention to.

It is indeed noteworthy that there are cases when the lexicalized gerund in the singular semantically differs sharply from its counterpart in the plural. The form "bearing" in such examples as

"It was an interesting thought for it had, in a way, a direct bearing on his own concerns..."
(DGE 222)

"Together they searched the areas again, a slide rule to the distances between individual producers and the nearest railheads and making detailed notes on contours and rivers obstacles that would have a bearing on time schedules".
(DGE 252)

"Even though these subjects seem irrelevant, I must touch on all of them; for they have a bearing on what happened later". (KENP 10)

actualizes the lexico-semantic variant which may be defined as "meaning"; relation; connection (HD)

The word "bearing" in

... :he was struck by his bearing and good features (DGE 605)

realizes the lexico-semantic variant which may be determined as "the manner in which one bears or comports oneself" (WENCD)

In such cases as

He said, "Did you come up here to find me?

No. I wanted to get my bearings". (GQA 70)

the word "bearings" has the meaning of "determination of position" (WENCD)

The latter is pertinent only to the form in the plural - "bearings".

The form "trappings" in such cases as "Henrietta's quaint obsession with scarlet-clad Empire builders as a romantic fancy for the traditional trappings of military pomp"... (DGE 354) actualizes a lexico-semantic variant which might be determined as "outward decoration or dress; ornaments" (WENCD)

This semantic quality is observed as a rule in the plural.

The difference between the "ing" noun in the singular and the plural may become so palpable that it is marked off lexicographically, as e.g.

trapping - n.

остановка

trapping with the inside

of the foot- остановка

мяча внутренней стороной

стоги

(футбол)

(I.Gal.)

trappings - n.

pl. 1. Украшения

2. Амуниция, парадный мундир

3. Конская сбруя;

попона

(I.Gal.)

The lexico-semantic variants discussed above ("leggings", "trappings", "bearings") are pertinent only to the nouns in "-ings", their counterparts in the singular, as a rule, are not found with the same semantic quality. From this we may infer that "-s" (or "-es") does not form in these cases the plural form of the corresponding singular formation; "-s" does not serve as a form-building element here, it functions as a word-building element which helps to coin new lexical units. The latter should be treated accordingly and provided with special lexicographical entries.

Thus "ings" formations may be regarded as cases of double lexicalization inasmuch as not only "-ing" but also "-s" functions as a word-building suffix. Such word-building suffixes as "-ing" and "-s" which have developed out of grammatical morphemes as a result of the process of lexicalization of grammatical forms should be viewed at present as homonyms of the related grammatical morphemes.

Hence, the linguistic status of the "ing" noun in Modern English may be defined as a lexicalized gerund with "-ing" (or "ings") as a word-building suffix.

This noun may be called a gerundial noun as the overwhelming majority of gerundial nouns are formed by virtue of the lexicalization of the gerund proper.

---

¹ This phenomenon has its analogue in such cases as:

arm	←	arms ¹	(plural)
		arms ²	a) weapons
			b) warfare
			c) heraldic bearings

In "arms"² "-s" is a word-building suffix, helping to coin a new lexical unit, see footnote¹ p. 54

Conclusion

1/ A language event may be affected either by the process of lexicalization or grammaticalization. The peculiarity of the gerund lies in the fact that the gerund "crept" into existence as a result of the gradual coalescence of the Old English verbal noun and Participle I. Due to its double nature, with the noun and verbal qualities preserved and ever developing, the gerund has been undergoing parallelly the process of grammaticalization - the verbalization of the gerund and the process of lexicalization - its substantivization.

As a result of verbalization the gerund functions in Modern English as a morphological variant of the verbal paradigm with "-ing" serving as a form-building element. As a result of substantivization the gerund has given birth to new lexical units - gerundial nouns in "-ing" with "-ing" serving as a word-building suffix.

2/ The system of form-building and word-building elements of the language is a historical entity changing and developing, to a great extent, under the influence of two major forces at work - the grammaticalization of lexical units and the lexicalization of grammatical forms.

List of Abbreviations
(works of fiction)

- AP - American Plays (edited by B.Cerf and Van H.Cartwell. New York, 1941)
- BKUDS - Bell Kaufman "Up the Down Staircase". New York, 1963.
- CAS - Michael Crichton "The Andromeda Strain". New York, 1970.
- CSS - A.J.Cronin "A Song of Sixpence". Bristol, 1964.
- DGE - R.F.Delderfield "God is an Englishman". New York, 1971.
- GQA - Graham Greene "The Quiet American". M., 1968.
- GMM - E.S.Gardner "The Case of the Moth-eaten Mink". New York, 1962.
- HSS - Ernest Hemingway "Short Stories". M., 1971.
- HC - Stefan Heym "The Crusaders". M., 1951.
- KRNP - Kenneth Roberts "Northwest Passage". New York, 1969.
- MRU - Midred David "The Room Upstairs". New York, 1970.
- NO - Frank Norris "The Octopus". M., 1962.
- PRN - K.S.Prichard "The Roaring Nineties". M., 1955.
- SLG - Gordon D.Shirreffs "The Lonely Gun". New York, 1970.
- SKD - Allan Sillitoe "Key to the Door". M., 1969.
- WCS - Lee E.Wells "Gun for Sale". New York, 1969.
- WNS - Richard Wright "Native Son". New York, 1966.
- LKM - Harper Lee "To Kill a Mockingbird ". New York, 1962.

List of Abbreviations
(lexicographical sources)

- HD - The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S.Hornby, E.V. Gatenby, H.Wakefield. London, 1960.
- I.Gal. - "Большой англо-русский словарь" под ред. И.Р. Гальперина. М., 1972.
- OD - The Oxford English Dictionary on Historical Principles. The Clarendon Press, 1933.
- WENCD - "Webster's Seventh New Collegiate Dictionary". New York, 1972.

Резюме

Исторически герундий произошел в результате скрещения отглагольного существительного с исходом на -inge (-unge) с причастием I. У герундия на протяжении своего исторического развития можно определить две основные тенденции его развития: вербализация герундия и его субстантивизация. Последние уместно рассматривать как конкретные проявления двух генеральных линий языкового развития: грамматикализация лексических единиц и лексикализация грамматических форм. Лингвистический статус существительного с окончанием "-ing" можно определить как лексикализованный герундий, у которого "-ing" выступает как словообразующий суффикс.

J. RAŠKEVIČS

SUBSTANTIVES OF THE SIT-IN TYPE
IN MODERN ENGLISH

The aim of the present investigation is to analyse sit-in type substantives and to show that their productivity is conditioned by socio-linguistic factors.

The examples subjected to analysis have been drawn from a selection of different English-language periodicals covering the 1960-1973 period, as well as from a number of theoretical works¹ in which lists of the nouns of this type have been given and from the "Dictionary of Verb-Adverb Nouns".²

---

¹ See Kelsie E. Harder. Coinages of the type of Sit-In. "American Speech", 1968, No.3, pp. 58-64; Preuss F. Das Wortfeld Sit-In. "Die Neueren Sprachen", 1962, H.7, S. 327-329; W.-D. Bald. Neologismen mit in im Englischen und Deutschen. "Lebende Sprachen", 1968, H.3, S. 65-68; Raškevičs J. Verb-Adverb Nouns in Modern English. - В сб. "Вопросы германской филологии". Ученые записки ЛГУ, т.114. Рига, 1969, с. 3-50; Raškevičs J. Longevity or the Occasional Character of Verb-Adverb Nouns in Modern English. В сб.: "Вопросы германской филологии - Проблемы лексикологии". Ученые записки ЛГУ, т.136. Рига, 1970, с. 51-71; Schmitz A. Laugh-In ... "Idioms", 1969, NO. 1, S. 6-8, a.o.

² Raškevičs J. Dictionary of Verb-Adverb Nouns. Riga, 1971.

The achievements of a community, of the whole of mankind are directly reflected in the vocabulary of any language, because different new socio-political, scientific, technological and other developments in the life of a speech community require new words to denote them, and such words are being coined uninterruptedly.

In the last 10-15 years there have been various developments, including socio-political ones, in the life of English-speaking countries, too. Racial discrimination in the USA, the war in Vietnam, strikes, clashes with the police, youth and student unrest, the fight for democratic rights, and different other militant actions, the feeling that it is impossible to live as one did in the previous years, all that leaves an imprint upon the language, and its vocabulary is replenished by new words which reflect all these stormy developments.

In February 1960 a campaign against race discrimination is launched in Greensboro, North Carolina, USA. Negroes do not leave stores, canteens and other places meant for "whites only", until they are served like the whites. This type of protest demonstration quickly spreads. It is reflected also in the language; the word sit-in is used to designate these protest demonstrations.¹ The substantive sit-in, originally motivated, loses part of its motivation. The element -in acquires as its principal semantic feature that of "silent, non-violent mass protest meeting or demonstration," the way of how the demonstration is carried out being specified by the activity expressed in the verb, i.e., in the first element of the noun.

As to its origin, sit-in is an elliptical form of sit-in strike, and it is defined as a "cessation of work by

---

¹According to "Word Study" (1966, No.4, pp. 5-6), sit-in is traced back to 1947, but not much was made use of that early usage.

employees while maintaining continuous occupation of shop, plant, or like place of employment, as a protest and means toward forcing compliance with demands",¹

In its new, political meaning sit-in is first defined as the "act of one or more Negroes sitting down at a restaurant or similar place where before only whites have sat down".² Soon after 1960 sit-in (in the latter meaning) becomes a well-established word in current use, is reflected already in different dictionaries and is defined as an "organized passive protest, esp. against racial segregation, in which the demonstrators occupy seats prohibited to them, as in restaurants and other public places",³ or as an "organized passive protest demonstration in which participants seat themselves in racially segregated establishments or other places and refuse to move until their objectives are considered",⁴ etc.

The civil rights movement, student demonstrations and other militant actions starting in the early 1960's give rise to numerous new coinages with -in. The use of -in is gradually extended and it starts denoting any protest in which demonstrators enter or remain in a certain place to protest against something or somebody and to gain support and publicity".

Already in 1960-1961 sit-in triggers off a whole series of new coinages with -in, e.g.: kneel-in,⁵ march-in, pedal-in, sing-in, skate-in, stall-in, study-in,

---

¹ Webster's New International Dictionary of the English Language. [Second Edition.] Springfield, Mass., 1961.

² "American Speech", 1961, No. 4, p. 283.

³ The Random House Dictionary of the English Language. New York, 1966.

⁴ The American Heritage Dictionary. New York, 1970.

⁵ The deciphering of the -in substantives mentioned in the present investigation is given in Raškevičs J. Dictionary of Verb-Adverb Nouns. Riga, 1971.

swim-in, wade-in, etc. As they have been formed by analogy with sit-in and according to a definite, already well-known pattern (verbal stem + -in), they are easily understood and they soon gain wide popularity especially in newspapers which write about different lie-ins, stand-ins, eat-ins, shop-ins, sleep-ins, etc.

Unlike other words of the verbal stem + adverb type, the substantives with -in usually cannot be considered words formed through conversion from verbal phrases, as the corresponding initial verbal phrases usually do not exist, so that here we have to speak of word-formation by analogy.

The material under analysis shows that one of the most famous substantives with -in that has gained especially wide currency¹ is teach-in which originally comes from American universities. I. Willis Russel² analyses teach-in already in 1961. In its modern meaning of "an extended critical discussion of a public issue held on a college or university campus, with the participation of students, faculty, and guest speakers - as a technique of social protest"³ it seems to be first used as a protest against the establishment of the US Military Council in South Vietnam on February 8, 1962.⁴

---

¹ Raškevičs J. Longevity or the Occasional character of Verb-Adverb Nouns in Modern English..., p. 59.

² I. Willis Russel. Among the New Words. "American Speech", 1961, No. 4, p. 281.

³ The American Heritage Dictionary. New York, 1970.

⁴ Potter S. Changing English. London, 1969, p. 173.

The real spread of teach-in begins on March 24, 1965 when at the University of Michigan thousands of students joined the faculty in an all-night discussion of the war in Vietnam.¹ The first teach-ins in Britain are organized at University College, London, and at Oxford University in June, 1965.² Since then teach-in is widely used in all the English-speaking countries.³

The wide use of sit-in and teach-in and the fad-dish use of -in in quite a number of other substantives expands rapidly in the 1960's and triggers off a kind of chain reaction - the formation of tens and hundreds of words by mere analogy with sit-in and teach-in. These -in substantives catch the fancy of reporters and other writers among the mass media, and more and more words of this type are added to the English vocabulary. As they can be easily deciphered even if seen or heard for the first time, they are coined with great ease, on the spur of the moment, especially in newspapers, e.g.:

"In Leicester University the students have taken the offensive, with drive-in, sit-in, study-in, use-in ... you invent the name and they will find an action to match it".⁴

The "New York Times" was right when it wrote on March 28, 1965: "Whatever else happens in the 1960s, the decade is likely to wind up known as the "in" decade",⁵ and

¹ "Worker", 1965, April 11.

² "Daily Worker", 1965, June 12 and June 17.

³ Raškevičs J. Longevity or the Occasional Character of Verb-Adverb Nouns in Modern English ..., pp. 60-61.

⁴ "Morning Star", 1968, March 1.

⁵ Quoted from "American Speech", 1968, No. 1, p. 64.

"there is hardly any need to hold a forecast -in to see that the trend will remain for a long time before the -ins are out".¹

In the last 10-15 years the substantives with -in have become so popular that they start influencing even other languages. Thus, a few of -in substantives (e.g., drive-in, love-in, sit-in, teach-in, etc.) have "invaded" German.² Germans themselves have coined a few humorous hybrid words whose first element is a German word, the second - the English -in, e.g.:

"Zu später Stunde verwandelte sich das erste Hamburger Film-In langsam in ein Schlaf-In".³

"... die sich für das neueste Teufel-In wieder einige ihrer wenig subtilen Späße hatten einfallen lassen..."⁴

Above we discussed the substantives with -in belonging to the semantic field of words united by the invariant meaning of a "silent, non-violent, passive protest meeting or demonstration, an organized protest against something institutional". To this Group I belong, for example, also the following coinages (not mentioned above):

apply-in	bitch-in
arrest-in	bomb-in
bed-in	burn-in
be-in	bury-in
bike-in	buy-in

¹ Kelsie B. Harder. Op. cit., p. 64.

² Schmitz A. Op. cit., S. 6-7.

³ "Hamburger Abendblatt", 6 Oktober 1967. Quoted from W.-D. Bald. Op. cit., S. 68.

⁴ "Die Zeit", 6 Oktober 1967. Quoted from W.-D. Bald. Op. cit., S. 68.

chain-in	rape-in
camp-in	read-in
comply-in	recite-in
couch-in	rest-in
debate-in	retch-in
die-in	ride-in
dope-in	scream-in
fat-in	shit-in
fish-in	sin-in
free-in	slop-in
graze-in	smoke-in
guitar-in	snarl-in
hug-in	speak-in
jail-in	spit-in
join-in	squat-in
kiss-in	stay-in
laze-in	strip-in
loot-in	sweep-in
marry-in	talk-in
moon-in	think-in
park-in	walk-in
phone-in	wed-in
play-in	weep-in
pray-in	werk-in, etc.
preach-in	

Group II of -in substantives belongs to the semantic field of words united by the meaning of "[annual] gathering, rally + competition", e.g. :

ball-in	folk-in
bug-in	nude-in
chalk-in	psint-in
design-in	rave-in
flower-in	sail-in
fly-in	sew-in

shrink-in	swim-in
sing-in	wheel-in, etc.
smoke-in	

Group III of -in substantives consists of those denoting "a session of something, a period in which something is being done", e.g.:

balloon-in	eat-in
bleed-in	lobby-in
chat-in	shoot-in, etc.
chew-in	

Group IV of -in substantives denotes some kind of "ceremony", e.g.:

sign-in
swear-in, etc.

In numerous coinages -in retains its adverbial meaning of place (Group V), e.g. :

drive-in	walk-in
live-in	write-in
lock-in	zip-in, etc.

And, finally, in Group VI there are such -in nouns which have different meanings and cannot be classed under any of the above-mentioned categories, e.g. :

fly-in	see-in
laugh-in	tag-in
leg-in	tie-in, etc.

The substantives classed in Groups II-VI are not so characteristic of the 1960's and they are fewer in number than those of Group I.

Sometimes the same word may belong to different semantic groups, e.g. :

(a) "Boycott of lectures, ... teach-ins, write-ins and even phone-ins ... will

be on the agenda."¹

- (b) "Tonight's Full House on BBC-2 at 9.50 has ... music from Ireland... followed by a discussion with the composer including a phone-in (288 8055, after 9.50)."²

In (a) phone-in belongs to Group I and has the meaning of "a protest demonstration in the form of phone calls addressed to those against whom this demonstration is directed," while the phone-in of example (b) comes under Group V and has the meaning of "a special telecast during which TV viewers can ring up the TV studios and ask different questions which are answered."

Here is another group of examples:

- (a) "Whether the Flower People chanced upon any hemp plants at their mammoth "love-in" on Bank Holiday Monday... I do not know."³
- (b) "But at the same time Mr. Lennon can't tell me that the world's problems will be solved by a prolonged bedtime love-in."⁴
- (c) "The big love-in : About 100 couples will be married tomorrow - St.Valentine's Day - in St.Valentin, the little village of 336 in-

---

1 "Morning Star", 1967, February 22.

2 "Morning Star", 1973, March 10.

3 "Morning Star", 1967, September 2.

4 "Morning Star", 1969, April 7.

habitants, the only place in France named after the patron saint of lovers".¹

In (a) love-in denotes "a gathering of hippies or Flower Children where love is made openly - as a kind of protest demonstration" (Group I), in (b) "staying in bed with one's wife or beloved" (Group III), in (c) "mass marriage ceremony" (Group IV).

Here we limit ourselves to the above-mentioned 2 groups of examples with phone-in and love-in, although tens of examples might be given to illustrate the fact that the same -in substantive may belong to different semantic fields, i.e., they have already developed polysemy or homonymy.

In our investigation more than 250 substantives with -in were analysed, and it gives us the right to draw certain conclusions.

1. Social factors have been very important in the formation of numerous -in substantives.
2. The majority of -in substantives have been formed not with the help of conversion from verbal phrases but by analogy with sit-in and teach-in.
3. The same -in substantive may belong to different semantic fields of words.

---

¹ "Morning Star", 1968, February 13.

Резюме

Социолингвистические факторы являются очень важными при образовании существительных типа sit-in, teach-in. За последние 10-15 лет много существительных этого типа, образованных по аналогии с sit-in, teach-in, вошло в словарный состав современного английского языка. Этот способ образования новых существительных, особенно с -in как вторым элементом, является очень продуктивным.

VĀRDKOPAS AR DARBĪBAS VĀRDU " to make"
 ANĢĻU-LATVIEŠU VĀRDNĪCĀS (1924 - 1966)

Vārdkopu problēma ir viena no aktuālākajām problēmām mūsdienu leksikogrāfijā. Vārdkopa, tāpat kā vārds, izsaka kādu jēdzienu. Bez tam, polisemantiska vārda atsevišķas nozīmes realizējas savienojumos ar citiem vārdiem, bet šie savienojumi kā gramatiski, tā semantiski nav pilnīgi neierobežoti. Tāpēc arī lielais vairums vārdnīcu ietver sevī gan atsevišķus vārdus, gan arī vārdkopas, lai ilustrētu vārda dažādo nozīmju lietošanu.

Jākonstatē fakts, ka šais vārdnīcās nav stingri ievērotu principu, pēc kuriem vārdkopas būtu atlasītas un grupētas galvenā vārda ietvaros.

Pēdējā laikā parādījušās speciālas vārdkopu vārdnīcas, sakārtotas pēc dažādiem principiem: pēc leksiski-semantiskā un jēdzieniskā saistījuma (dalāmās un nedalāmās vārdkopas)¹, pēc vārdkopu tipiem², biežuma³,

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955.

Heckenberg K. Englische idiomatische Redewendungen. Leipzig, 1967; Gajda R. Wybor Idiomow Angielskich. Warszawa, 1970.; Syttel V.V. Colloquial English Idioms. M., 1971 u.c.
 Rodale J.I. The Word Finder, Emmaus, 1965.

2. Wood F.T. English Verbal Idioms. New-York, 1964.
 Gorelik T.S. Adjectival Collocations in Modern English. M., 1967 u.c.

3. Коллектив авторов. Частотный словарь сочетаемости современного английского языка, ч. П. М., 1972.

pēc lietošanas sfēras(stila) principiem¹.

Šī nelielā raksta uzdevums ir parādīt, kādas vārdekopas ar darbības vārdu "to make" sakopotas angļu-latviešu vārdnīcās, kas iznākušas no 1924. līdz 1966. gadam². No 19 vārdnīcām, kas šai laikā iznākušas tikai viena - E. un A. Rolavu sakopotā Angļu-Latvju Fraseoloģiskā vārdnīca pieskaitāma speciālajām vārdnīcām, pārējās ir parastās divvalodu vārdnīcas, pie tam pusei vārdnīcu nozīmes nav ilustrētas (G, KKR, CB, M, A, P, K). Vēlākos izdevumos (AK, RST) ilustrāciju, tai skaitā vārdkopu daudzums, stipri palielinājies.

vārdkopu, tāpat kā vārdu atlasī nosaka vārdnīcas mērķis, kā arī tās sastādītāja uzskati.

Neskatoties uz tulkojošo vārdnīcu nepilnībām salīdzinājumā ar skaidrojošām vārdnīcām³, šo vārdnīcu nozīme pieaug. Tas izskaidrojams ar to, ka divvalodu vārdnīca nepieciešama kā valodas apguvējam-iesācējam, tā tulkotājam-speciālistam un vēl jo vairāk lingvistam dažādu valodu problēmu petīšanai.

Divvalodu vārdnīcām ir sava specifika - tām jāiekļauj ne tikai tulkojums, bet arī paskaidrojums, kur tas nepieciešams, lai nerastos daudzas kļūdas, kas raksturo mācīšanos ar tulkojuma palīdzību.

Vārdkopu atlase tulkojošām vārdnīcām ir sarežģīts, bet ļoti svarīgs jautājums, Vārdu leksisko nozīmju neatbilstība ir par cēloni valodas kļūdām, piem.: to take

1. Басс Э.М., Димитриева Е.М., Эльтекова Т.М. Словарь словосочетаний наиболее употребительных в английской научной литературе. М., 1968.

2. No šai periodā iznākušajām vārdnīcām nav apskatīta E. Turkinas Angļu-latviešu vārdnīca, Rīgā, 1944.

Шерба Л.В. Опыт общей лексикографии. Избранные работы Л.В. Шербы, т. I. Л., 1958, 88. lpp.

(to make) an oath būtu jāievieto vārdnīcā, jo pēc analogijas ar latviešu valodu "dot zvērestu" valodas nepratējs lietos "to give an oath", bet "to make room" vārdkopā "to make" jātulko ar "dot" - "dot vietu", vienā gadījumā latviešu vārdam "sakārtot" atbildīs "to make" (to make the bed), citos - atrodam "to do" (to do one's hair; to do one's room). Neprecīza un kļūdaina tulkojums (piem., N. Millera vārdnīcā "to make up one's mind" tulkots ar latviešu "padomāt"; pārējās apskatītās vārdnīcas dod precīzu tulkojumu "nolemt, apņemt") un maldīgi izvēlēti ekvivalenti ir izplatītas parādības divvalodu vārdnīcās¹.

Angļu valodā bieži sastopama parādība ir vienas un tās pašas vārdkopas dažādās nozīmes jeb polisēmija, piem., "to make observations" atbilst vārdkopas "izdarīt novērojumus" un "izteikt piezīmes". Ne vienmēr viegli izlemt, kuru no vārdkopām - sinonīmiem ievietot vārdnīcā, kuru nē, bet šādu sinonīmu nav mazums². Dažādi sastādītāji izvēlas dažādus variantus, tā, piem., AK (1966.g.) vārdnīcā sastopam vārdkopas "to make room (place, way)"; bet T (1948.g.) vārdnīcā "to give place (way); abos gadījumos lietoti latviešu ekvivalenti "dot (atbrīvot) vietu (ceļu)". Pirmajā vārdnīcā minētās vārdkopas izvietotas verba šķirklī, otrajā - attiecīgo lietvārdu (place, way) rindkopās.

Angļu-latviešu tulkojošo vārdnīcu sastādīšanas problēmas teorētiskā plāksnē ir maz pētītas. Līdz šim

1. Wörterbuch als Fehlerquelle. Eine Untersuchung der bekanntesten englischen Wörterbücher und Dictionaries nach linguistischen Gesichtspunkten von einem studentischen Autorenkollektiv. Hamburg, 1970, 191. lpp.

2. Каменецкайте Н.Л. Синонимы в английской фразеологии. М., 1971.

parādījušies divi raksti, kas sniedz dažus secinājumus no šādu vārdnīcu sastādīšanas prakses. Tā A. Grīnblats rakstā par ilustrāciju atlasī angļu-latviešu vārdnīcai¹ norāda, ka divvalodu vārdnīcas mērķis ir ne tikai atbilstošu ekvivalentu izvēle dotajam vārdam, bet arī norādījumi to pareizai lietošanai. Pareizas lietošanas principu autors izvirza par galveno ilustrāciju atlasē. Jebkāda veida vārdkopas, kā brīvās, tā idiomas, parunas un sakāmvārdi var tikt izmantoti kā ilustratīvais materiāls. Divvalodu vārdnīcai jāatspoguļo mūsdienu valodas normas un arī dažādie valodas stili. Autors sevišķi uzsver nepieciešamību iekļaut vārdnīcā tādus vārdu savienojumus, kam latviešu valodā ir maldīga atbilstība, piem., "the last straw" bieži tulkots ar "turēties pie pēdējā salmiņa", kaut gan pareizais tulkojums būs - "pēdējais piliens", jo izteiciena pilnaforma "the last straw that broke the camel's back" - "pēdējais salms, kas salauza kamieļa muguru", ne vienmēr visiem ir zināms; gadījumus, kur viens un tas pats izteiciens var nozīmēt pilnīgi pretējo: "there's no love lost between them" - 1) viņi nav mīlējuši viens otru, un 2) viņi vēl mīl viens otru; vārdkopas, kas ietver sevī kontrastu - "stage fright" - lampu drudzis, "stage fever" - (burtiski - skatuves drudzis) tieksme uz teātri.

J. Raškēvičs savā rakstā par vārdnīcu rindkopas problēmām² pieskaras tam pašam vārdu un vārdkopu atlasē jautājumam. Viņš norāda uz to, ka pēdējā laikā par galveno atlasē kritēriju kļūst lietošanas biežuma koeficients

1. Grīnblats A. Choice of Illustrations for an English-Latvian dictionary в сб.: "Вопросы германской филологии". Рига, 1966.
2. Raškēvičs J. Some Problems of the Selection of Dictionary Entries. - В сб.: "Вопросы лексикологии, грамматики и стилистики германских языков". Рига, 1968.

to izdošanas gads										Vārdnīcu skaits
A _A	P	K	T	AK	RST	JK	RST	AK	kurās dotā nozīmē	registrēta
1940	1940	1946	1948	1957	1962	1964	1964	1966		
-	-	-	-	-	5.	5.	5.	14.x		3
-	-	8.	-	-	-	-	-	-		1
-	-	-	-	-	-	-	-	-		1
-	2.	-	-	-	-	-	-	-		3
1.	-	1.	2.	5.x	-	-	-	4.x		13
-	-	17.	9.	-	-	-	-	-		4
-	-	-	-	-	-	-	-	-		2
-	-	-	-	-	-	-	-	17.x		1
-	-	10.	-	-	-	-	-	16.x		2
-	-	-	-	-	7.	-	7.	-		2
-	-	-	-	-	-	-	-	-		3
-	-	2.	-	-	-	-	-	-		5
-	3.	-	-	1.	-	-	-	-		6
-	-	10.	-	11.	-	-	-	9.x		3
-	-	16.	-	-	-	-	-	-		1
-	-	-	-	6.	-	-	-	-		1
-	-	-	-	15.	4.	4.	-	13.x		4
-	-	9.	4.	12.x	8.x	3.	8.x	10.x		12
-	-	-	11.	-	-	-	-	-		2
-	-	-	13.	-	-	-	-	-		2
-	-	-	6.	x	-	-	-	x		4
-	-	14.	-	-	-	-	-	-		1
-	-	-	-	-	6.	-	6.	15.x		3
-	-	3.	-	-	-	-	-	-		1
-	-	5.	-	2.	1.x	2.	1.x	1.x		6
-	-	-	-	-	-	-	-	21.x		1
-	-	-	-	-	-	-	-	-		4
-	-	11.	-	9.x	◇	-	◇	7.		5
-	-	-	12.	-	-	-	-	-		2

pieņemties	-	-	-	-	-	-	-	14.	-
piespiest	-	-	-	-	-	-	-	5.	-
radīt	5.	-	5.x	5.	5.	5.	-	-	-
ražot	6.	-	4.x	6.	6.	6.	-	-	-
sakārtot	-	-	-	-	-	-	-	-	-
sasniegt	-	-	-	-	-	-	-	7.	-
sastādīt	9.	-	7.x	9.	4.	9.	-	-	-
slēgt	-	-	-	-	-	-	-	-	-
taisīt	-	-	3.	-	-	-	1.	1.	1.
taisīties	-	-	-	-	-	-	-	10.	-
turēt	-	-	-	-	-	-	-	-	-
turēt par	-	-	-	-	-	-	-	8.	-
uzpost	-	-	-	-	-	-	-	-	-
uzstādīt	-	-	-	-	-	-	-	-	-
veidot	4.	-	-	4.	7.	4.	-	3.	-
virzīties	-	-	-	-	9.	-	-	-	-

Autors iztīrīja jautājumu par homonīmu izvietošanu vārdnīcā, iesaka vārdkopas, kas pēc nozīmes ekvivalentas vienam vārdam, ievietot vārdnīcā atsevišķās rindkopās un uzsvēr nepieciešamību iekļaut neologismus. Kā A. Grinblats, tā J. Raškēvičs izdarījuši secinājumus uz personīgās pieredzes pamata, jo abi autori strādājuši pie angļu-latviešu vārdnīcu sastādīšanas.

Angļu-latviešu vārdnīcas sastādītas, ņemot par pamatu angļu daļai angļu skaidrojošās, kā arī divvalodu (angļu-krievu, angļu-vācu, u.c.) vārdnīcas.

Dažām vārdnīcām par pamatu ņemtas mācību grāmatas (piem., CB un EA R).

1. Ar kārtas numuru apzīmēta secība, kādā nozīmes ievietotas vārdnīcā. Kārtas numurs ar simbolu x norāda, ka dotā nozīme ilustrēta ar piemēru. Simbols x viens pats norāda, ka dotā nozīme atrodamā tikai piemēra, bet vārda rindkopā atsevišķi nav dota. ♦ zīme norāda, ka vārdkopa novietota aiz šīs zīmes.

-	-	-	14.	21.	-	-	-	19.x	4
-	-	-	5.	13.	9.	9.	9.	11.x	7
-	5.	6.	-	10.	-	-	-	8.	9
-	-	-	-	3.	-	-	-	-	6
-	-	-	-	8.	-	-	-	6.x	2
-	-	-	7.	-	-	-	-	20.x	3
-	4.	-	-	14.	3.x	-	3.x	12.x	10
-	-	13.	-	-	-	-	-	-	1
2.	1.	4.	1.	-	2.x	1.	2.x	2.x	12
-	-	-	10.	20.	-	-	-	18.x	4
-	-	15.	-	-	-	-	-	-	1
-	-	-	8.	-	-	-	-	-	2
-	-	6.	7.	7.x	-	-	-	5.x	3
-	-	12.	-	-	-	-	-	-	1
-	6.	7.	3.	4.x	-	-	-	3.x	10
-	-	-	-	-	-	-	-	-	1

Kā redzams 1.tabulā nozīmes nav vienādi izvietotas visās vārdnīcās, nerunājot nemaz par nozīmju atlasī, un tomēr zināmas tendences nav grūti saskatāmas: no divām galvenām nozīmēm - "darīt" un "taisīt" pēdējā, kopā ar tādiem sinonīmiem kā "gatavot", "izgatavot", "pagatavot" valodas attīstības gaitā izvirzās pirmajā vietā, ko labi atspoguļo vārdnīcas, kas iznākušas pēdējos gadu desmitos. Tieši šai nozīmei leksiska atbilstība latviešu valodā ir jo dažāda; darbības vārda izvēle atkarīga no lietas vārda, ar ko tas savienojas, respektīvi, pareizu šīs nozīmes lietošanu var apgūt tikai ar vārdkopu palīdzību (sk. 2.tabulu).

Vārdkopu klāsts pēdējo gadu izdevumos kļuvis manāmi bagātāks, tomēr atlases un izkārtojuma ziņā pastāv vēl liela dažādība: piem., N.Millera vārdnīcā katra vārdkopa veido patstāvīgu rindkopu, turpretī vairumā divvalodu vārdnīcu tās iekļautas vienā šķīrkli ar galveno vārdu.

Šķirkļa ietvaros vārdkopas grupētas parasti pēc galvenā vārda nozīmēm, bet konkrētie piemēri šo nozīmju ilustrācijai, tāpat kā nozīmju secība, var būt atšķirīgi (sk. 2. tabulu un 3. tabulu). Viena un tā paša vārdkopa vienā vārdnīcā ievietota aiz $\diamond$ zīmes, citā tā iekļauta vārdnīcas rindkopā pirms šīs zīmes; vienā vārdnīcā dotā vārdkopa ievietota darbības vārda šķirklī, citā - lietas vārda rindkopā, dažas vārdnīcas dod vārdkopu sinonimus, citas nē (sk. 2. tabulu un 3. tabulu).

2. tabula

Vārdkopas ar "to make" ar nozīmi "taisīt"	Vārdnīcu latviešu ekvivalenti		
	EAR	AK(1957/1966)	RST(1962/1964)
to make cloth	ražot	drēbi	-
" " a dress	-	pašūt	kleitu
" " hay	-	-	savākt sienu
" " a road	-	būvēt	ceļu
" " tea	-	uzvārit	tēju sagatavot tēju

Darbības vārds "to make" var atbilst arī citām "taisīt" nozīmēm, piem., "sakārtot" - to make the bed - uzklāt (klāt, saklāt) gultu; "radīt" - to make a noise - taisīt troksni.

3. tabula

Vārdkopas ar "to make" ar nozīmi "darīt"	Vārdnīcu ¹ latviešu ekvivalenti				
	D	EAR	T	AK	RST
m. ² a bow	-	-	-	paklanīties	-
m. fun	zoboties āzēt kādu	-	nerrot ³ <u>kādu</u>	jokoties	izjokot ⁴
m. game	-	-	-	"	-
m. sport	-	izzobot	-	"	-

m. room	-	-	-	atbrīvot	-
				vietu(ceļu)	
m. place	-	-	-	"	-
m. way	tikt uz priekšu	-	-	"5	-
m. haste	-	-	-	steigties <u>steigties</u>	
m. smb a present	-	-	-	dāvināt	-
m. smth. good	-	-	turēt vārdu	izpildīt	-
m. good	turēt	turēt	-	turēt	-
a promise	vārdu	vārdu	-	vārdu	-
m. good a loss	atlīdzī- nāt	atlī- dzināt	-	atlīdzināt	-
m. a clean sweep	-	-	-	pilnīgi atbrīvoties	-
m. nothing of	-	-	-	ne nieka nebēdāt; nekā ne- saprast	-
m. oneself at home	-	-	-	justies kā mājās	-
m. smb glad	-	-	-	darīt priecīgu	-
m. an ass of oneself	-	-	-	nostādīt sevi neveiklā stāvo- klī	-
m. much (little)of smth	-	maz bēdāt par kādu lietu	-	augstu(zemu) vērtēt kaut- ko	
m. most(best) of smth	-	-	-	izmantot pēc iespējas <u>izmantot</u> labāk izmēģinot	
m. love	laksto- ties	laksto- ties ap	laksto- ties ap	mīlināties	-
m. sure	pārlie- cināties	-	pārlie- cināties	pārlieci- nāties	pārlieci- nāties
m. obser- vations	-	Izdarīt novērojumus	-	-	-

m. obser- vations	-	izdarīt	-	-	-
		novēroju- mus			
m. an ad- justment	-	izdarīt	-	-	-
		pielāgo- jumus			
m. smb happy	-	darīt	-	-	-
		<u>kādu cil- vēku laimi- gu</u>			

3. tabulā nav ieslēgtas vārdkopas, kas vārdnīcā pārstāvētas tikai ar latvisko ekvivalentu: piem., Dravnieka J. vārdnīcā dotas šādas vārdkopas izustrējot to make good dažādās nozīmes atkarā no lietas vārda ar kuru "to make" tiek lietots: "pierādīt(faktu)", "aizstāvēt(cietoksni)", "uzturēt"(ciņu), "atkausties"(no ie- naidnieka), "laimīgi izdarīt". Rolavu E. un A. vārdnīcā nozīmes tikai nosauktas: "attaisnot, pierādīt, apgalvot" pie tam tās dotas attiecīgo lietas vārdu vārdnīcas šķirklī.

1. Dažādu gadu viena autora, vai autoru kolektīva sakopotā vārdnīcas neatskiras pēc vārdkopu sastāva, izņemot AK 1957, kurā ny ievietototas vārdkopas 'to make way' un 'to make the best of smth'.
2. m. apzīmē "to make".
3. Ar nepārtrauktu līniju pasvītrotas vārdkopas, kas ievietotas lietas vārda šķirklī.
4. Ar pārtrauktu līniju apzīmētas vārdkopas, kas izvie- totas aiz $\diamond$ zīmes.

Divvalodu tulkojošām vārdnīcām nav iespējams aptvert kaut nelielu daļu no vārdkopām ar verbu "to make". Vārda nozīme divvalodu tulkojošā vārdnīcā ir tikai viens no rinkopas elementiem, tai jāsniedz informācija arī par vārda izrunu, rakstību, gramatiskām formām, utt.

Tāpēc arvien aktuālāks kļūst jautājums par speciālu vārdkopu vārdnīcu sastādīšanu. Bet lai to veiktu ir nepieciešams pietiekams teorētisks un praktiska valodnieciskās izpētes darbs.

Tanī pat laikā šādas vārdnīcas sakopšanai lietderīgi izmantot jau eksistējošo Angļu-latviešu tulkojošo vārdnīcu materiālus.

Saīsinājumi

- D - Dravnieks J. Angļu-latvju vārdnīca. R., 1924.
 - Dravnieks J. Angļu-latvju vārdnīca. R., 1935.
 - Dravnieks J. Angļu-latvju vārdnīca. R., 1936.
- G - Godiņa E. Angļu-latviešu vārdnīca. R., 1929.
- EAR - Rolavi E. un A. Angļu-latvju frazeoloģiskā vārdnīca. R., 1931.
- KKR - Roze Klārdija un Kārlis. Angliski-latviska vārdnīca. R., 1935.
- GB - Guriks J. un Bangerska I. Angliski-latviska vārdnīca. R., 1937.
- T - Turkina E. Angliski-latviska vārdnīca. R., 1937.
 - Turkina E. Angliski-latviska vārdnīca. R., 1948.
- M - Millers N. Angliski-latviska vārdnīca. R., 1933.
- A - Akuraters L. Angliski-latviska vārdnīca. R., 1940.
- P - Pelcis V. Praktiskā angļu-latviešu vārdnīca. R., Jelgavā, 1940.

- K - Kundziņš. Angliski-latviska vārdnīca.
Giftenē, 1946.
- AK - Autoru kolektīvs. Angļu-latviešu vārdnīca.
R., 1957.
- Autoru kolektīvs. Angļu-latviešu vārdnīca.
R., 1966.
- RST - Raškēvičs J., Sosāre M., Timenčika L. Angļu-
latviešu vārdnīca. R., 1962.
- Raškēvičs J., Sosāre M., Timenčika L. Angļu-
latviešu vārdnīca. R., 1964.
- JK - Juhņēviča I., Klētniece A. Angļu-latviešu
vārdnīca. English-Latvian Dictionary. R., 1964.

Резюме

Англо-латвianские переводные словари, выпущенные с 1924-1966 гг. заметно отличаются друг от друга по отбору и размещению словосочетаний с глаголом to make. Это объясняется как различным предназначением словарей, так и отсутствием определенных принципов отбора и размещения. В основном материал отбирается традиционным путем, используя для английской части словарей английские толковые и другие переводные словари/Англо-русские, англо-немецкие и т.д./.

LIETVĀRDU SUFIKSU IZPLATĪBA ANĢĻU VALODĀ

Mūsdienu vārddarināšanas analīzes mērķis ir aprakstīt attiecīgas valodas vārddarināšanu kā sistēmu vispār un arī apskatīt katras atsevišķas vārdu šķiras vārddarināšanas sistēmu. Tas noved pie atsevišķu mikrosistēmu izveidošanas,¹ proti, sufiksācija katrā valodā veido zināmu sistēmu, pie kam katra vārdu šķira ar saviem sufiksiem, savukārt, izveido zināmu mikrosistēmu attiecīgās valodas sufiksālās sistēmas ietvaros. Taču šo dalīšanu mikrosistēmās ir iespējams turpināt. Tā, ņemot vērā vārdu semantiku, ir iespējams, piemēram, lietvārdu sufiksus iedalīt zināmas mikrosistēmas: sufiksi, kas veido darītājevārdus (nomina agentis), sufiksi, kas veido darbību (arī darbības rezultātu) nosaukumus (nomina actionis), pamazinājuma sufiksi, u.c.

Šī raksta mērķis ir izpētīt lietvārdu sufiksu izplatību mūsdienu anġļu valodā. Par pamatu ir ņemti 19. un 20. gs. anġļu un amerikāņu literatūras prozas darbi.

Sufiksālie lietvārdi ir ekscerpēti no 100 autoru tekstu izlasēm pa 1000 vārdlietojumu katrā. Tādējādi izpētīto tekstu kopapjoms ir 100000 vārdlietojumu. Tekstu izlasēs galvenokārt ir iekļauti stāstījumi un apraksti, mazāk - dialogi, no kuriem nevarēja pilnīgi izvairīties dažu autoru darbos.

Kopējais dažādo lietvārdu sufiksu un to variantu skaits ekscerpētajos lietvārdos ir 31. Germāņu sufiksi (12) ir sastopami 591 vārdlietojumā, aizgūtie sufiksi (19) - 992 vārdlietojumos no kopējā 100000 vārdlietojumu skaita.

Lietojuma biežums vēl nenorāda uz sufiksu produktivitāti vai neproduktivitāti. Sufiksi, kurus lieto lietvārdu darināšanai anġļu valodā, nav vienlīdz produktīvi. Šo sufiksu

¹ Хидикель С.С. Проблема системности в словообразовании. - Л сб.: "Вопросы описания лексико-семантической системы языка". Тезисы докладов, ч.2. М., 1971.

produktivitāte nav pastāvīga. Tā ļoti bieži mainās un to ietekmē tādi iemesli kā sufiksa polisemantizācija, kas neļauj skaidri saprast tā leksisko nozīmi, vai arī tendence vienam sufiksem – sinonīmam sākt dominēt pār kādu citu.

Kā zināms, ne visiem sufiksiem piemīt spēja darināt jaunus vārdus jebkurā gadījumā. Sufiksu produktivitāti neātrīkst sajaukt ar sufiksu lietojuma biežumu, lai gan starp šiem diviem jēdzieniem ir zināma sakarība. Ar sufiksa produktivitāti jāsaprot sufiksa spēja darināt jaunus vārdus. Šīni jautājuma lingvistiem nav vienprātības. Daži interpretē šo jautājumu ļoti šauri, uzskatot par produktīviem tikai tādus sufiksus, kas piedalās jaunu vārdu darināšanā mūsdienu angļu valodā, it sevišķi neologismu darināšanā, neņemot vērā to vārdu skaitu, kas darināts ar attiecīgā sufiksa palīdzību laika gaitā.¹ Citi uzskata, ka galvenajai produktīvo sufiksu īpašībai jābūt spējai darināt neierobežotu skaitu jaunu vārdu, ko ikviens viegli spēj uztvert (saprast).² Vadoties no apkopotā faktu materiāla, var secināt, ka uz 10000 vārdlietojumiem kopējais lietvārdu sufiksu skaits ir 1654, pie tam trīs germāņu cilmes sufiksi (-er, -ness, -ing) sastopami 518 vārdlietojumos jeb apmēram 31% no visu lietvārdu sufiksu lietojuma; attiecīgi: -er – 218 vārdlietojumos, -ness – 183 vārdlietojumos, -ing – 117 vārdlietojumos.

A. Smirņickis, runājot par afiksu produktivitāti vispār, secina, ka produktīvo afiksu īpatnība ir nevis to lietojamība, bet gan to spēja radīt kā neierobežotu skaitu jaunu vārdu, kas viegli uztverami attiecīgās valodas lietotājiem, tā arī to spēja darināt potenciālus vārdus, kuri nav registrēti vārdnīcās.³

¹ Arnold I. The English Word. M. – Л., 1966

Bankevitch L. English Word-Building. Л., 1961.

² Карацук П. В. Аффиксальное словообразование в английском языке. М., 1965.

Смирницкий А. М. Лексикология английского языка. М., 1956.

³ Смирницкий А. М. Лексикология английского языка, с. 106.

Balstoties uz ekscerpētā materiāla datiem, teikto var pilnīgi attiecināt uz sufiksiem -ness un -ing mazāk uz sufiksu -er. Tieši ar šiem sufiksiem sastopami visvairāk jaundarinātu vai potenciālu vārdu. Lai arī iepriekš minētie skaitļi neļauj izdarīt secinājumu par šo sufiksu lielo produktivitāti, vadoties pēc to lietojuma biežuma, tomēr zināma sakarība starp šo sufiksu produktivitāti un lietojuma biežumu ir nenoliedzama.

Citi trīs germāņu cilmes sufiksi (-dom, -hood, -ship) tekstu izlasēs atrodami tikai 26 vārdos. No tādā lietojuma biežuma var secināt, ka daļlīteratūrā tie nav guvuši plašu izplatību.

No 19 aizgūtajiem lietvārdu sufiksiem angļu valodā visplašāk izplatīts ir romāņu cilmes sufikss -ation, kas ienācis valodā ar aizguvumiem kā tieši no latīņu valodas, tā arī no franču valodas. Par šī sufiksa un tā variantu plašo izplatību angļu valodā liecina arī pētītā materiāla dati: -ation sastopam 116 vārdlietojumos, -ion: 107, -tion: 101 vārdlietojumā. Šī sufiksa visi varianti kopā (ieskaitot arī tā neproduktīvos variantus, kas nepiedalās vārddarināšanā) sastopami 385 vārdos no 1654 sufiksālajiem lietvārdiem, tādējādi ieņemot pirmo vietu visu pārējo sufiksu vidū.

Ar lietojuma biežumu izceļas romāņu cilmes sufikss -(i)ty. Ar šo sufiksu darinātie lietvārdi ieņem ceturto vietu izplatības ziņā starp ekscerpētajiem sufiksālajiem lietvārdiem un sastāda 141 vārdlietojumu.

Samērā plašu izplatību guvuši romāņu cilmes sufiksi -ance, -ence, -ment. Par to liecina arī savāktais fakts materiāls: -ance, -ence sastopams 116 vārdos, -ment - 133 vārdos.

Vadoties pēc ekscerpētā materiāla, nav sevišķi plaši izplatīti sekojošie aizgūtie sufiksi: grieķu cilmes sufiksi -ism, -ist un romāņu cilmes sufiksi -ee, -(e)ry. Visi kopā tie sastāda 45 vārdlietojumus, attiecīgi: -ism -7, -ist -17, -ee -6, -(e)ry -15.

No tekstu izlasēm ekscerpēto lietvārdu sufiksu izplatība
dilstošā kārtībā redzama 1.tabulā.

1.tabula.

Kopējais vārdlieto- tojums	Lietvārdu sufiksi un to varianti	Vārdlietojumos kopumā		Vārdos	
		skaits	o/o	skaits	o/o
1	2	3	4	5	6
100000	-ation (-ion, -(i)tion,-sion)	365	0,39	193	0,19
	-er	218	0,22	125	0,13
	-ness	183	0,18	114	0,11
	-(i)ty	141	0,14	82	0,08
	-ing	117	0,12	88	0,08
	-ance,-ence	116	0,12	61	0,06
	-ment	113	0,11	51	0,05
	-man	53	0,05	24	0,02
	-or	41	0,04	20	0,02
	-ant,-ent	40	0,04	12	0,02
	-ure	30	0,03	10	0,01
	-ary,-ery,-ry	24	0,02	16	0,02
	-age	22	0,02	12	0,02
	-th	21	0,02	7	0,007
	-cy	19	0,02	14	0,01
	-y,-ie	18	0,02	12	0,01
	-ist	17	0,02	12	0,01
	-al	16	0,02	13	0,01
	-hood	15	0,02	5	0,005
	-ice	10	0,01	4	0,004
	-an,-ian	9	0,009	6	0,006
	-ette	8	0,008	2	0,002
	-ship	8	0,008	6	0,006
	-ism	7	0,007	6	0,006
	-ee	6	0,006	2	0,002
	-ess	5	0,005	5	0,005
	-ful	4	0,004	3	0,003
	-dom	3	0,003	2	0,002
	-ster	2	0,002	1	0,001
	-ard	1	0,001	1	0,001
	-eer	1	0,001	1	0,001
	-ling	1	0,001	1	0,001

Ar lietvārdu sufiksiem ir cieši saistīts jautājums par
sufiksālo lietvārdu uzbūvi, proti, par sufiksālo lietvārdu
darināšanas modeļiem. H.Marčands izdala vārdarināšanu vispār
kā atsevišķu nodaļu zinātnē par valodu, kas saistīta ar mo-
deļu pētīšanu, pēc kuriem tiek darināti jauni vārdi¹. Su-
¹ Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English
Word -formation. München, 1969, p.2.

fiksālie lietvārdi sastāv no dažādu vārdu šķiru (lietvārdu, īpašības vārdu vai darbības vārdu) vārdu celmiem (vai arī dažādu vārdu šķiru saknes vārdiem) un sufiksiem. Šo vārdu celmi, kas ietilpst sufiksālo lietvārdu sastāvā, var būt gan vienkārši, neatvasināti jeb primāri, gan arī atvasināti jeb sekundāri. Šo sufiksālo lietvārdu darīšanas modeļu skaits nav nemainīgs visos valodas attīstības posmos. Tas mainās atkarībā no dažādiem vēsturiskiem apstākļiem valodas attīstības procesā.

Lielais vairums sufiksālo lietvārdu (887) veidoti no primāriem celmiem. Visvairāk sekundāro celmu sastopam lietvārdos ar sufiksu *-ness*, kurā 18 gadījumos pievienots sekundāriem celmiem. Šie sekundārie celmi ir adjektīvi, kas savukārt veidoti no lietvārdiem vai retākos gadījumos no darbības vārdiem un sufiksiem. Tā būtība šie sufiksālie lietvārdi sastāv no pamatvārda un diviem sufiksiem. Ja ar *s* apzīmējam lietvārdu, ar *v* - darbības vārdu, ar S_1 - sekundārā celma sufiksu, bet ar *S* - lietvārdu veidojošo sufiksu, tad iepriekš teikto var ilustrēt sekojoši:

artlessness, carelessness - $s + S_1 + S$

heartlessness

forgetfulness, suitableness - $v + S_1 + S$

Bez tam sekundārie celmi vēl sastopami 6 lietvārdos ar sufiksu *-ity*. Šo lietvārdu sekundārie celmi ir adjektīvi, kas veidoti no lietvārdiem un sufiksiem, piemēram:

brutality, conventionality - $s + S_1 + S$

Tā tīkai 24 sufiksālo lietvārdu pamatā ir sekundārie celmi. Pārējie ekscerpētie sufiksālie lietvārdi veidoti no primāriem celmiem.

Var rasties jautājums - kāda vārdu šķira ir sufiksālo lietvārdu primārie celmi? Ekscerpētais materiāls rāda, ka lielum lielā daļa primāro celmu ir verbi - 554 sufiksālos lietvārdos, 234 sufiksālie lietvārdi ir veidoti no adjektīvu, 107 - no substantīvu, 2- no skaitļa vārdu celmiem (sk.2.tab.).

Sufiksālo lietvārdu sufiksi	Sufiksālo lietvārdu primāro celmu skaits vārdlietojumos			
	substantīvs	verbs	adjektīvs	skaitļa vārds
1	2	3	4	5
-ation (un tā varianti)	1	186	5	-
-or	8	113	2	1
-ness	-	-	113	1
-(i)ty	1	3	77	-
-ing	-	83	-	-
-ance, -ence	1	56	-	-
-ment	-	50	1	-
-man	20	-	4	-
-or	1	17	-	-
-ure	1	8	1	-
-ant, -ent	-	12	-	-
-ary, -ery, -ry	11	1	4	-
-age	10	2	-	-
-th	-	2	5	-
-oy	2	-	12	-
-y, -ie	3	7	2	-
-ist	12	-	-	-
-al	5	8	-	-
-hood	4	-	1	-
-ice	1	2	1	-
-ette	2	-	-	-
-ship	5	-	1	-
-ism	6	-	-	-
-an, -ian	4	-	2	-
-ee	1	1	-	-
-ess	5	-	-	-
-ful	3	-	-	-
-dom	-	-	2	-
-ster	-	-	1	-
-ard	-	-	1	-
-eer	1	-	-	-
-ling	-	1	-	-

Ir arī gadījumi, kad vārdarinātais sufikss netiek pievienots vārdarinātājam celmam tieši, bet starp šim

¹ Lietvārdu sufiksi sakārtoti to izplatības dilstošā kārtībā.

divām derivatīvajām morfēmām parādās kāda funkcionāli nemotivēta skaņa vai arī skaņu savienojums - interfikss. No visa analizētā materiāla šādi gadījumi sastāda ļoti nīcīgu skaitu - interfiksu ir iespējams izdalīt 15 sufiksālajos lietvārdos; piemēram: -t- vārdos "dramatist, mixture", -it- vārdā "competitor", -d- vārdā "remainder", -s- vārdos "salesman, huntsman", -ic- vārdos "simplicity, significance". Pēc autora domām -ic- arī tādos vārdos kā "gratification, justification" būtu uzskatāms par interfiksu. Tomēr šeit viedoklis dalās. Tā, piemēram, P.Karaščuks uzskata -fication par patstāvīgu vārd darināšanas elementu un pieskaita to sufiksa -ation variantiem¹.

Apzīmējot lietvārdu strukturālos modeļus ar $M_1, M_2 \dots$, primāros celmus ar R, sekundāros celmus ar R_1 , vārdu šķiras, kas atrodas celma pamatā sekojoši: s- substantīvs, v- verbs, a- adjektīvs, n- skaitļa vārds, kas kā indeksi pievienoti celmu apzīmējumiem - $R_s, R_a, R_v, \dots$, interfiksu ar -r, var sastādīt sekojošus sufiksālo lietvārdu modeļus:

$M_1 - R_v + S$	(builder, establishment)
$M_2 - R_a + S$	(bravery, warmth)
$M_3 - R_s + S$	(artist, childhood)
$M_4 - R_n + S$	(oneness, river)
$M_5 - R_v + r + S$	(mixture, competitor)
$M_6 - R_a + r + S$	(simplicity, dramatist)
$M_7 - R_s + r + S$	(herdsman, marksman)
$M_8 - R_{1a} + S$	(reasonableness, formality)

Visbiežāk sastopami ir pirmie trīs modeļi: $M_1 - 546$, $M_2 - 211$, $M_3 - 100$ gadījumos. Tātad 857 lietvārdu darināšana jeb 94% gadījumu (kopējais sufiksālo lietvārdu skaits ir 911) atbilst šiem trim modeļiem. Pārējo strukturālo modeļu loma sufiksālo lietvārdu darināšanā ir visumā nenozīmīga.

¹ Каращук П.М. Аффиксальное словообразование в английском языке. М., 1965, с. 57.

Pamatojoties uz sufiksālo lietvārdu biežumu, var izdarīt analogus secinājumus par viena vai otra sufiksa izplatību. Izrakstot no tekstu izlasēm sufiksālos lietvārdus, kuri sastopami 5 līdz 10 reizes un biežāk, redzam, ka no iegutajiem 58 lietvārdiem vislielāko skaitu (15) sastāda lietvārdi ar sufiksu -ation (vai tā variantiem). Tas vēlreiz norāda uz šī sufiksa plašo izplatību angļu valodā. Sufiksālo lietvārdu biežums visuma apstiprina arī pārējo sufiksu izplatību. Pēc lietvārdiem ar sufiksu -ation (vai tā variantiem) seko lietvārdi ar sufiksiem -er, -ness, -ment (skat. 2.tab.). Ekscerpēto sufiksālo lietvārdu lietojuma biežums redzams 3.tabulā,

3.tabula. ¹

Sufiksālie lietvārdi	Lietojuma biežums
1	2
<u>appearance</u>	10 un biežāk
<u>movement</u>	
<u>expression</u>	
<u>direction</u>	
<u>attention</u>	
<u>servant</u>	9
<u>stranger</u>	
<u>neighbourhood</u>	
<u>darkness</u>	
<u>pleasure</u>	
<u>acquaintance</u>	8
<u>happiness</u>	
<u>examination</u>	7
<u>preparation</u>	
<u>correspondent</u>	
<u>cigarette</u>	
<u>Englishman</u>	
<u>warmth</u>	
<u>affection</u>	

¹ Lietvārdi sakārtoti sufiksu alfabētiskā kārtībā.

1	2
<u>inhabitant</u> <u>sensation</u> <u>conversation</u> <u>difference</u> <u>student</u> <u>grouper</u> <u>beginning</u> <u>opportunity</u> <u>curiosity</u> <u>gentleman</u> <u>salesman</u> <u>punishment</u> <u>loneliness</u> <u>business</u> <u>consciousness</u> <u>satisfaction</u> <u>infection</u>	6
<u>marriage</u> <u>performance</u> <u>agency</u> <u>confidence</u> <u>leader</u> <u>preacher</u> <u>jeweller</u> <u>prisoner</u> <u>feeling</u> <u>relation</u> <u>agitation</u> <u>hesitation</u> <u>observation</u> <u>inferiority</u> <u>clergyman</u> <u>arrangement</u> <u>director</u> <u>visitor</u> <u>introduction</u> <u>departure</u> <u>mixture</u>	5

3. tabulā redzam, ka šie 58 suriksalie lietvārdi (kopējais ekscerpēto lietvārdu skaits - 911) izceļas ar lielāku lietojuma biežumu. No kopēja suriksalo lietvārdu lietojuma skaita (1654) tie sastāda 372 gadījumus jeb apmēram 21%.

Šī sakarībā ir interesanti salīdzināt sufiksālo lietvārdu lietojuma biežumu daļlīteratūrā ar to, kāds tas ir uz-

rādīts dažu tehnisko tekstu biežuma vārdnīcās. Par pamatu ir ņemtas tekstu biežuma vārdnīcās triīs dažādās nozarēs: cietvielu fizikā, vīnkopībā un terapijā. Arī šīs vārdnīcās ir sastādītas, analizējot 100000 vārdlietojumu. Tā kā raksta mērķis ir pētīt lietvārdu sufiksu izplatību, tad salīdzinājumam no katras iepriekšminētās vārdnīcās tika izrakstīti 6 pirmie sufiksālie lietvārdi.² Rezultātā redzama sekojoša aina (skat. 4.tabulu):

4. tabula,³

Sufiksālie lietvārdi cietvielu fizikā	Lietojuma biežums	Sufiksālie lietvārdi vīnkopībā	Lietojuma biežums	Sufiksālie lietvārdi terapijā	Lietojuma biežums
<u>measurement</u>	198	<u>fermentation</u>	224	<u>pressure</u>	182
<u>conductivity</u>	136	<u>concentration</u>	133	<u>treatment</u>	145
<u>mobility</u>	99	<u>treatment</u>	129	<u>examination</u>	101
<u>conduction</u>	91	<u>growth</u>	110	<u>activity</u>	100
<u>absorption</u>	86	<u>production</u>	78	<u>difference</u>	70
<u>concentration</u>	85	<u>acidity</u>	74	<u>concentration</u>	61

Aplūkojot minēto nozaru sufiksālo lietvārdu lietojuma biežumu, varam secināt, ka visplašāko izplatību tāpat kā daļlīteratūrā kopumā guvis sufikss -ation (un tā varianti). Bez tam vēl plaši ir izplatīti lietvārdi ar sufiksiem -ment, -(i)ty.

No visa iepriekš teiktā izriet, ka lietvārdu sufiksu izplatība mūsdienu angļu valodā nav vienmērīga.

Ir vērojama arī zināma sakarība starp sufiksālo lietvārdu lietojuma biežumu un lietvārdu sufiksu izplatību.

Līdz ar to apkopotie dati ļauj gūt zināmu priekšstatu par teksta nosegumu ar sufiksālajiem lietvārdiem angļu daļlīteratūrā. Tomēr vārdlietojumu skaits neļauj spriest par sufiksālo

1 Статистика речи и автоматический анализ текста. А., 1971, с. 191, 215, 225.

2 Minētās tehnisko tekstu biežuma vārdnīcās sniedz visus tekstos lietvertos vārdus pēc lietojuma biežuma dilstoša kārtībā.

3 Par sufiksālo lietvārdu lietojuma biežumu daļlīteratūrā skat. tabulu Nr. 3.

lietvārdu biežumu šī vārda plašākā nosimā, jo zināms, ka vārda biežums ir atkarīgs no analizēto tekstu saturā un zināmā mērā arī no tekstu apjoma.

Резюме

В данной статье автор рассматривает распространение суффиксов существительных английского языка, их продуктивность, а также структуру и частотность употреблений суффиксальных существительных в современном английском языке.

Материалом для исследования суффиксов существительных послужила художественная проза современных английских и американских писателей.

В статье сделанные выводы основаны на конкретном языковом материале.

В. А. ГУРТАЯ

ПРОБЛЕМЫ КОНСОНАНТИЗМА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛАТЫШСКИМ ЯЗЫКОМ

В целях получения наиболее полной информации о современном состоянии исследуемой проблемы представляется необходимым дать описание этой проблемы в ретроспективном плане.

В связи с этим настоящая статья посвящена изложению обзорного материала, имеющего непосредственное отношение к проблеме исследования звукового состава современного латышского литературного языка и английского языка. Языковедение XIX в. занималось в основном сравнительно-историческим изучением языка; при этом анализ звуковых соответствий в языках имел первостепенное значение. Включение фонетики в грамматику имеет давнюю традицию.

Фонетика латышского языка также рассматривалась как часть грамматики. Первые грамматики данного языка были составлены немецкими пасторами, и таким образом звуки латышского языка сравнивались со звуками немецкого языка. Такими работами явились следующие: О. Розенберг, "Formlehre der lettischen Sprache" (Mitau, 1930); Ю. Бар в 1847 г. впервые пытается классифицировать согласные; А. Биленштейн, "Die lettische Sprache" (Berlin, 1863); А. Стерсте, "Учебник латышского языка" (Рига и Тарту, 1880) и др.

Латышская научная и школьная грамматика с разделом - учение о звуках - вырастает на основе "Латышской граммати-

ки" (Рига, 1907), составленной Я. Эндзелином и К. М. Меленбахом.

Позже, с развитием экспериментально-фонетических методов, появляются работы, затрагивавшие акустическую сторону звука. Некоторые важные данные о длительности монофтонов, дифтонгов и согласных латышского языка мы находим в трудах А. Абеде, Я. Эндзелин, Р. Экблом, Э. Блессе, М. Рудзит, З. Бирзнiece и др.¹

В конце 40-х годов в области экспериментальной фонетики наблюдается сдвиг. С точки зрения истории развития аппаратуры, применяемой для анализа речевого сигнала, различные "эры" постепенно сменяли друг друга (Р. К. Потапова, 1971)².

¹ Абеде А. Об акцентации ударенных - простых гласных в латышском языке. 1905.

Ābele A. Alūksnes izloksnes intonācija. FBR, R., 1932.

Ābele A. Parneuzsvērto zilbju intonācijām. FBR, XII. R., 1932.

Ābele A. Dundagas izloksnes intonācija. FBR, IX. R., 1929.

Ābele A. Par stieptās intonācijas pāreju krītošajā. FBR, III. R., 1923.

Ābele A. Par zilbiskām skaņām latviešu divskaņos. FBR, I. R., 1927.

Ekblom R. Die lettischen Akzentarten, Uppsala, Paris, Staag, Leipzig, 1933.

Blesse E. Ievads valodniecībā. R., 1922.

Rudzīte M. Ziemeļvidzemes izloksnes. LVU, R., 1954.

Birzniece Z. Džūkstes. Šķības un Sēseves pagasta intonācijas. FBR, XI.

² Потапова Р. К. Основные современные способы анализа и синтеза речи. М., 1971, с. 8.

Например, "эра пневматики" сменилась "эрой электроники", на смену которой пришла "эра информации" (Г. Фант, 1970)¹.

В латышской экспериментальной фонетике начинают применять следующие методы для исследования звуков: осциллографический, рентгенографический, фотографию и палатографию.

Первой работой, которая вводит в латышскую фонетику некоторые вышеуказанные методы экспериментального исследования звуков, является диссертация М. П. Вецозол². Эта работа выполнена в сопоставительном плане, исследуется вокализм латышского и английского языков. М. П. Вецозол дает описание латышских гласных в плане артикуляции, основываясь на собственном произнесении.

Более полную и обширную экспериментально обоснованную теоретическую базу дает А. Лау в своей диссертации "Фонетическая система современного латышского литературного языка" (Рига, 1954).

В упомянутой работе А. Лау всесторонне исследует латышский вокализм, но уже на основе произношения целого ряда лиц. А. Лау в своей работе проводит сравнение собственных данных с данными, полученными М. П. Вецозол. В результате такого сравнения некоторые данные получают иную интерпретацию.

Кроме вокализма в латышской фонетике изучаются также и другие аспекты фонетического строя латышского языка.

В работе А. Лау произведена классификация латышских

¹ Фант Г. Анализ и синтез речи. Новосибирск, 1970.

² Vecozola M. Latviešu un angļu patskaņu fonēmu salīdzinājums. Kand. dis. Rīga, 1953.

согласных звуков. В основе своей классификации А. Лау использует следующие принципы:

- а) деление согласных по активному органу речи;
- б) по способу артикуляции.

В указанной работе автор критически подходит к более ранним принципам деления согласных. Необходимо отметить, что в более ранний период (до 1954 г.) латышские согласные классифицировались только по принципу пассивного органа речи.

А. Лау экспериментально обосновывает критику и предлагает новые положения для классификации согласных.

В результате фонетического и фонологического анализа А. Лау устанавливает, что в латышском языке 26 согласных фонем, из них две [f] и [x] встречаются только в словах иностранного происхождения.

Одним из характерных признаков латышских согласных является длительность.

Глухие шумные бывают долгими между ударным и безударным кратким гласным, например, *visi* [vis:si] - все.

Сонанты бывают долгими, если находятся в слоге с длительной интонацией, например, *telpa* [telpa] - помещение.

Любой согласный может быть долгим в словах латышского происхождения в тех случаях, когда на стыке двух морфем находятся одинаковые согласные, например, [at:ei:kʲ] atteikt - отказать. Кроме того, глухие согласные длительнее звонких. Необходимо, однако, отметить, что характеристика согласного определяется и тем, что согласный испытывает влияние как со стороны предшествующего, так и со стороны последующего гласного: например, 1) длительность глухого смычного согласного больше тогда, когда он находится после гласного заднего ряда, однако длительность согласных меньше перед согласными переднего ряда; 2) длительность смычных глухих согласных в конечной позиции больше длительности соответствующих согласных в начальной позиции.

В латышском литературном языке имеются шесть мягких

(палатальных) звуков - 5 фонем:

и вторичный вариант [ç] фонемы [x], однако характеристика палатализации еще полностью неясна.

В латышском языке не имеется ни увулярных, ни фарингальных, ни ларингальных согласных.

Артикуляция латышских фонем ясна и устойчива во всех положениях в слове. Частичное объяснение мы находим в грамматическом строе латышского языка и богато развитой системе флексий, а также широко распространенном чередовании фонем (А. Лау, 1954).

А. Лау основывает свои выводы на экспериментальных данных, полученных в результате использования рентгенографии, палатографии и фотографии.

Латышские согласные фонологически противопоставляются по трем главнейшим признакам:

- 1) по активному органу речи;
- 2) по способу артикуляции;
- 3) по звонкости и глухости.

1. По активному органу речи латышские согласные бывают губными и язычными.

1. Губные: а) билабиальные [p], [b];
б) лабиодентальные [f], [v].
2. Язычные: а) передние - апикальная артикуляция;
б) средние;
в) задние.

Переднеязычные согласные характеризуются апикальной артикуляцией:

- а) апикально-дентальные фонемы:
[t], [d], [c], [z], [n], [s], [z]
  - б) апикально-альвеолярные фонемы:
[ç], [ž], [š], [j], [l], [r]
- Среднеязычные фонемы: [k], [g], [q], [j], [ɫ]
- Заднеязычные фонемы: [k], [g], [x] (дорсальны).

В латышском языке имеются случаи, когда в одну фонему входят язычные различного типа, а именно фонема [n] Переднеязычный [n] является главным вариантом; заднеязычный [ŋ] является вторичным вариантом.

Вторым примером является фонема [x], [x] - заднеязычная фонема - главный вариант;

Среднеязычная фонема [ç] - вторичный вариант.

2. По способу артикуляции латышские согласные делятся на смычные и шелевые:

1) Смычные: а) шумные взрывные смычные фонемы:

[p], [p], [b], [t], [d], [k], [g], [k];
б) аффрикаты: [ç], [ʃ], [č], [ʒ];

в) носовые смычные - сонанты:
[m], [n] и [ŋ]

2) Шелевые: а) шелевые шумные фонемы с одним артикуляционным фокусом или центром: [f], [v], [s], [z], [j], [x]

б) шелевые шумные фонемы с двумя артикуляционными фокусами:

[š], [ž];

в) шелевые сонанты с постоянной шелью:

[l], [ɫ] и с перемежающейся шелью фонема [r]

Двухфокусные шелевые [š], [ž] образуются с первым передним и вторым средним фокусом. Такие двухфокусные смычные с первым передним и вторым средним фокусом образуют вторую фазу двухфокусных аффрикат [č] и [ʒ].

3. Третий признак - звонкость - глухость - ярко выражен в латышском языке как фонематическое средство.

Все шумные фонемы латышского языка (только латышского происхождения), кроме [v], [j], выражаются в виде звонких и глухих коррелятов.

Такова классификация согласных фонем латышского языка,

которая получила отражение в кандидатской диссертации А. Лау.

Одним из современных методов изучения речи является электроакустический, который позволяет приблизиться к подлинно физической характеристике речевых сигналов. Этот метод — один из ведущих методов экспериментальной фонетики, науки комплексного изучения звуковых особенностей языка и речи (Артемов, 1959)¹.

За последние годы выполнен ряд экспериментально-фонетических работ, посвященных изучению звукового состава современного латышского языка.

Большая часть исследований посвящена изучению вокализма латышского языка: 1) исследование акустических характеристик латышских и английских дифтонгов (М. Нейланд, 1966)²; 2) длительность ударенных гласных и дифтонгов (А. Стелле, 1971)³.

Кроме того, были исследованы некоторые вопросы интонации латышского и английского языков (В. Брока, 1968)⁴.

Что же касается исследований в области консонантизма латышского языка, то в данном случае можно назвать кандидатскую диссертацию Э. Лиепя (1958)⁵.

---

¹ Артемов В. А. Метод структурного анализа речевой интонации. МГПИИЯ, 1959.

² Нейланд М. А. Сравнительный анализ акустических характеристик английских и латышских дифтонгов. Канд. дисс. Рига, 1966.

³ Стелле А. Акустические характеристики ударного вокализма латышского литературного языка. Канд. дисс. Рига, 1971.

⁴ Брока В. Сопоставительный анализ интонаций вопросительных предложений языков. Канд. дисс. Рига, 1969.

⁵ Лиєра Е. Daži mūsdienu latviešu literārās valodas fonēmu pareizizrunas jautājumi. Канд. дис. RPI, V. Rīga, 1957.

Э. Лиеша касается следующих вопросов:

- 1) произношение кратких монофтонгов и безударных открытых и закрытых слогах, в конце слова после долгих глухих огласных;
- 2) произношение согласных в разных позициях;
- 3) длительность глухих шумных согласных между кратким ударным и кратким безударным монофтонгом;
- 4) длительность сочетаний -св, -шв, -зв, -сш, -жш, -йш - в конце слова;
- 5) произношение [j] в конце слова после глухого шумного согласного [p];
- 6) произношение звонких шумных согласных;
- 7) произношение сонантов между глухими шумными огласными (Э. Лиеша).

Для решения выдвинутых задач Э. Лиеша использовал спектрографические и осциллографические данные. Основываясь на экспериментальных данных Э. Лиеша констатирует, что глухие шумные в вышеуказанной позиции могут быть как долгими, так и полудолгими¹ (Р. Экблом², А. Лау³, М. Рудзит⁴, иссле-

¹ Liepa E. Daži mūsdienu latviešu literārās valodas fonētiski pareizizrunas jautājumi. RPI, V. Rīga, 1957, 147.-161.lpp.

² Ekblom R. Die lettischen Akzentarten. Uppsala. Paris etc., 1933, 15, S. 71-76.

³ Лау А. Фонетическая система современного латвийского литературного языка. Автореферат канд. дисс. Рига, 1954.

⁴ Рудзит М. Дialectы Земельвидземе. Канд. дисс. Рига, 1954, с. 4.

дую долготу гласных и согласных с помощью кимографа и осциллографа, считают их только долгими.)

Кроме того, в ранних работах можно найти противоположные выводы относительно кратких монофтонгов после долгих глухих шумных согласных.

Я. Эндзелин¹ и А. Абеле² пишут, что такие монофтонги произносятся глухо. Э. Блессе³ считает, что в латышском языке глухих гласных не бывает, в этих работах не имеется всесторонней характеристики акустических особенностей кратких монофтонгов. Лингвисты ограничивались только констатацией наличия или отсутствия звонкости или глухости.

Э. Лица⁴ устанавливает, что краткие монофтонги произносятся звонко. Например, *visi* [vis:i] - все;
upe up:pe - река и т. д.

Хотя исследование конечного монофтонга и не является нашей прямой задачей, но поскольку монофтонги находятся в непосредственном контакте с глухим согласным, мы считаем вполне реальным исследование акустической картины конечного монофтонга, ибо это поможет нам получить дополнительную информацию в области изучения глухих согласных.

Таким образом, весь вышеприведенный материал нашей статьи был посвящен обзору литературы по вопросам экспериментальной фонетики латышского литературного языка и, в

¹ Эндзелин Я. Грамматика латышского языка. Рига, 1951, с. 26.

² Абеле А. Удлинение коротких гласных перед глухими согласными. ФБР, УШ, Рига, 1927, с. III.

³ Блессе Э. Введение в языковедение. Рига, 1922, 1927, с. III.

⁴ Лица Э. Некоторые вопросы произношения фонем в латышском литературном языке. Автореф. канд. дисс. РПИ, V, Рига, 1957.

частности, выявлению степени изученности консонантизма.

Вышесказанное может быть кратко обобщено в следующем виде.

I. Для анализа речевого сигнала в латышской экспериментальной фонетике применялись следующие методы:

а) артикуляторные методы (Я. Эндзелин, М. П. Вецозол, А. Лау и др.);

б) акустические методы (А. Абеле, М. Нейланде, В. Брока, А. Стелле, Э. Лиэпа и др.).

II. Большая часть экспериментально-фонетических работ была посвящена изучению латышского вокализма (А. Абеле, Я. Эндзелин, М. П. Вецозол, М. Нейланде, А. Стелле и др.).

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что вокализм латышского языка в целом более или менее исследован, тогда как природа консонантизма в данном языке изучена недостаточно полно.

Этим объясняется наше обращение к исследованию природы консонантизма в латышском языке, при этом — в сравнении с согласными английского языка. Сопоставительное изучение фонетики иностранного и родного языков очень важно с практической точки зрения, хотя не менее важную роль оно играет в теоретическом изучении фонетики отдельных языков, звуковой строй которых в свете современных положений и методов общей фонетики не исследован или исследован недостаточно. Что же касается консонантизма английского языка, то здесь можно сказать, что консонантизм английского языка гораздо больше исследован, чем консонантизм латышского языка. Подобное сравнение, по нашему мнению, позволит выработать методику преподавания английского языка для латышской аудитории, ибо опыт преподавания выявил случаи интерференции, наблюдаемые при изучении латышскими студентами английских согласных.

Например, в словах *siti* [sit:ti] - *city* [siti].

Отсюда следует, что целью нашего экспериментально-фонетического исследования является изучение английского консонантизма в сравнении с консонантизмом современного литературного латышского языка.

Свой выбор мы остановили на группе глухих шумных согласных (*p, t, sk, vs, sh, tch* - в английском языке и *p, t, k, ņ, s, ņ, v, ņ* - в латышском языке).

Главная задача данного исследования - на основе экспериментальных данных показать артикуляционные и акустические признаки вышеперечисленных согласных в английском и латышском языках в сопоставительном плане.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что для современного состояния проблемы изучения речи характерно то, что основной упор делается на изучение речи в ее динамике. Для этой цели используют аппаратуру, предназначенную для:

- а) артикуляционного анализа;
- б) акустического анализа и
- в) аппаратуру комплексного типа, служащую для проведения синхронного анализа артикуляции и акустической структуры речевого сигнала.

Мы намереваемся провести анализ нашего экспериментального материала в двух аспектах:

- а) артикуляционном и
- б) акустическом.

Для проведения артикуляционного анализа планируется использование кинорентгена, для проведения акустического анализа - интонографа и спектрографа.

Таким образом, станет возможным сравнение артикуляционных данных с акустическими.

При составлении экспериментального материала был использован принцип матричной методики¹.

Подбор экспериментального материала определялся задачей исследования. Поскольку мы исследуем речь, при подборе экспериментального материала следовало учесть следующие просодические характеристики речи исследуемых языков:

- 1) фонетическое качество анализируемого согласного;
- 2) положение согласного в слоге;
- 3) позицию согласного в слове;
- 4) количество слогов в слове;
- 5) позицию согласного по отношению к ударенному

гласному;

- 6) однородность слогов по их типу;
- 7) качество последующего гласного;
- 8) позицию слова, включающего анализируемый согласный, во фразе;
- 9) позицию слова, включающего анализируемый согласный, в контексте².

В качестве экспериментального материала были подобраны односложные и двусложные слова с ударением на первом слоге.

Анализируемые глухие шумные согласные английского и латышского языков находились в одинаковом фонетическом контексте. Исследуемые слова помещались в начальной, средней и конечной позициях во фразе. В контексте экспериментальные слова находились только в составе фраз, зани-

¹ Блохина Л. П. и Потапова Р. К. К вопросу о методике исследования фонемного состава языка. — Сб. "Материалы докладов симпозиума по экспериментальной фонетике и психологии речи". Изд-во МГУ, 1966, с. 57-70.

² Блохина Л. П. и Потапова Р. К. Просодические характеристики речи. М., 1970.

мающих начальную и срединную позиции. Конечная позиция экспериментальных фраз в контексте была исключена.

Подобранные таким образом слова, фразы и контексты были записаны на магнитную ленту в произнесении трех латышских и двух английских дикторов (две женщины, один мужчина - для латышского языка, одна женщина и один мужчина - для английского языка).

Слова и фразы для начитывания были расположены в списках в случайном порядке.

Порядок начитывания контекстов был также случайным. Весь материал, предназначенный для записи, был дан дикторам заранее, для предварительного ознакомления. Задачи исследования дикторам не были известны.

Каждое изолированное слово произносилось нисходящим тоном, с паузой после него. Контексты начитывались в естественном темпе.

Запись производилась в безэховой камере на магнитофоне МЭЭ-62, со скоростью 38, 12 см/сек при полосе пропускания неискаженных частот от 60 гц до 12 кгц.

После контрольного прослушивания записи экспериментальный материал был переписан с той же скоростью для спектрографа (модель БДС-48), со скоростью 9,53 см/сек для последующей переписи на интонограф И-67.

При переписи экспериментального материала для спектрографа и интонографа монтировались только сегменты, включающие анализируемые согласные.

Дальнейшим этапом исследования является электроакустический анализ экспериментального материала.

Полученные интонограммы были подвергнуты расшифровке. В дальнейшем были проведены замеры по трем основным физическим характеристикам: частоте основного тона, интенсивности и длительности.

Первичное ознакомление с интонографическими данными

делает возможным изложение некоторых предварительных результатов в области изменений длительности согласных в английском и латышском языках. Сравнение длительности согласных проводилось с учетом следующих факторов:

- 1) анализировалась длительность одинаковых согласных в односложных словах, занимающих конечную позицию, и в двусложных словах, занимающих интервокальную позицию;
- 2) анализировалась длительность согласных (в двусложных словах), различаемых по месту образования (р, т, к);
- 3) исследовалась длительность интервокальных согласных в двусложных словах, где искомому согласному предшествовали ударные гласные, относящиеся к группе узких и широких гласных.

При членении интонограмм сегментация переходных участков проводилась по следующим правилам:

- 1) переходный участок относится к тому звуку, качества которого преобладают в картине этого переходного участка;
- 2) переходный участок делится пополам;
- 3) переходный участок целиком относится к предшествующему гласному.

В ходе нашего исследования мы условились относить озвонченный участок при переходе от гласного к согласному целиком к последующему согласному.

Первичные наблюдения по длительности английских и латышских глухих согласных (мсек)^I позволяют сделать следующие предварительные выводы:

^I В данном случае сопоставляются усредненные данные X (мсек).

1. Глухие согласные латышского языка в интервокальной позиции в двусложных словах (первый слог ударенный, второй безударный) длительнее, чем те же согласные в конечной позиции в односложных словах (см. табл. 1, 2).

2. Глухие интервокальные согласные в латышском языке отличаются большей длительностью после гласных заднего ряда по сравнению с длительностью тех же согласных, взятых после гласных переднего ряда (см. табл. 3, 4).

3. Глухие согласные в английском языке в интервокальной позиции в двусложных словах (первый слог ударенный, второй безударный) отличаются меньшей длительностью, чем те же согласные в конечной позиции в односложных словах (см. табл. 5, 6).

4. Глухие интервокальные согласные в английском языке отличаются большей длительностью после гласных заднего ряда по сравнению с длительностью тех же согласных, взятых после переднего ряда (см. табл. 7, 8).

Таблица 1

Анализируемый согласный в двусложном слове (интервокальная позиция) и в односложном слове (конечная позиция)
(1-й диктор)

Согласный	Согласный в двусложном слове - в интервокальной позиции, X	Согласный в односложном слове - в конце слова, X
р	284	183
т	300	187
к	287	283
к'	290	-
щ	335	100
с	305	-
в	303	170
б	313	-

Таблица 2

Анализируемый согласный в двусложном слове (интервокальная позиция) и в односложном слове
(2-й диктор)

Согласный	Согласный в двусложном слове - в интервокальной позиции, X	Согласный в односложном слове - в конце слова, X
р	302	160
т	308	270
к	320	202
к'	310	-
щ	280	260
с	311	-
в	298	270
б	273	-

Таблица 3

Анализируемый согласный в двусложном слове (в интервокальной позиции) после гласных переднего ряда и гласных заднего ряда (1-й диктор)

Согласный	Перед узким гласным, X	Перед широким гласным, X
р	276	300
т	300	350
к	285	300
ќ	302	320
џ	320	350
с	335	-
в	303	270
ђ	310	320

Таблица 4

Анализируемый согласный в двусложном слове (в интервокальной позиции) после гласных переднего ряда и гласных заднего ряда (2-й диктор)

Согласный	Перед узким гласным, X	Перед широким гласным, X
р	320	332
т	325	350
к	314	345
ќ	303	320
џ	293	340
с	290	-
в	300	280
ђ	280	310

Таблица 5

Анализируемый согласный в двусложном слове (интервокальная позиция) и в односложном слове (конечная позиция)
(1-й диктор)

Согласный	Согласный в двусложном слове - в интервокальной позиции, X	Согласный в односложном слове - в конце слова, X
p	139	227
t	154	226
k	157	228
ʃ	165	280
tʃ	230	320
v	120	-

Таблица 6

Анализируемый согласный в двусложном слове (интервокальная позиция) и в односложном слове (конечная позиция)
(2-й диктор)

Согласный	Согласный в двусложном слове - в интервокальной позиции, X	Согласный в односложном слове - в конце слова, X
p	168	170
t	193	295
k	179	235
ʃ	194	300
tʃ	278	340
v	13	-

Таблица 7

Анализируемый согласный в двусложном слове (в интервокальной позиции) после гласных переднего ряда и гласных заднего ряда (1-й диктор)

Согласный	Перед узким гласным, X	Перед широким гласным, X
p	140	137
t	149	165
k	147	148
ʃ	162	188
tʃ	230	-
s	120	-

Таблица 8

Анализируемый согласный в двусложном слове (в интервокальной позиции) после гласных переднего ряда и гласных заднего ряда (2-й диктор)

Согласный	Перед узким гласным, X	Перед широким гласным, X
p	162	160
t	186	204
k	169	200
ʃ	186	194
tʃ	289	-
s	130	-

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДИСТРИБУТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ
ИДИОМ В АНГЛИЙСКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Как в английском, так и в латышском языках между переменными словосочетаниями и идиомами не обнаруживается структурных различий. Грамматические модели переменных словосочетаний и грамматические дистрибутивные формулы идиом образуются в соответствии с закономерностями сочетания частей речи в обоих языках.

Материалом для исследования идиом английского языка послужил Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина.

Материалом для исследования идиом латышского языка послужили 275 художественных произведений 72 латышских авторов XIX и XX веков, публицистические произведения (300 номеров газет и журналов), лексикографический материал двух словарей и двух сборников латышских поговорок и пословиц, а также собрание фразеологизмов кафедры латышского языка ЛГУ имени Петра Стучки.

В Англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина из 25 000 единиц ИБГ являются идиомами. В латышском языке из исследованных 3098 фразеологических единиц 446 являются идиомами.¹

И в английском, и в латышском языках идиомы можно разделить на две большие группы: 1) именные и 2) глагольные. Именные идиомы, в свою очередь, делятся на субстантивные, адъективные и адвербиальные.

Из общего числа идиом английского языка (ИБГ) 1077 являются именными (58%), 784 - глагольными (42%). Из 466 идиом латышского языка 196 являются именными (42%), 270 - глагольными (58%). Из приведенных выше данных следует, что в

¹ Термин "идиома" принят в определении А. В. Кунина. См. об этом: Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 329.

английском языке именные идиомы составляют большую группу идиом, чем глагольные (на 16% больше), а в латышском языке наоборот: группа глагольных идиом больше, чем именных (на 16%).

1. Грамматические дистрибутивные формулы именных идиом

В работе приняты следующие условные обозначения: *n* - имя существительное, *A* - имя прилагательное, *P* - местоимение, *Num* - имя числительное, *V* - глагол, *D* - наречие, *Prp* - предлог, *C* - союз, *Part* - частица и *Art* - артикль.

Необходимо отметить, что при анализе грамматических дистрибутивных формул именных идиом принималось во внимание следующее:

1. В латышском языке нет артикля, поэтому можно считать, что идиомам латышского языка с формулой *A+N* (напр., *sarkans ravediens* 'красная нить', *liela mute* 'болтливый хвастун') соответствуют идиомы английского языка как с формулой *A+N* (напр., *real jam* 'удовольствие, наслаждение', *deep waters* 'большое беспокойство или горе; затруднительное или опасное положение'), так и с формулой *Art + A + N* (*a long head* 'проницательность, прозорливость', *the old Adam* соотв. лат.: *vecais Adams* 'ветхий Адам').

2. Идиомам латышского языка с формулой $N^1 + N^2$ (напр., *putna piens* 'птичье молоко', *siržu lauzējs* 'сердцеед', *mats matā* 'точь-в-точь') соответствуют идиомы английского языка:

а) с формулой $N^1 + N^2$ (напр., *Donnybrook Fair* 'шумное собрание, галдех', *Mother Bunch* 'гадалка', *Benjamin's mess* 'львиная доля', *dog's nose* 'смесь пива с джином');

б) с формулами $N^1 + Prp + N^2$ ($Art + N^1 + Prp + N^2$, $N^1 + Prp + Art + N^2$ и $Art + N^1 + Prp + Art + N^2$), в которых $Prp + N^2 = of + N^2$ соответствует в латышской формуле члену N^1 , выраженному родительным падежом (напр., англ.: *the salt of the earth* соотв. лат.: *zemes sāls* 'соль земли'), а $Prp + N^2 = in + N^2$ соответствует в латышской формуле члену N^2 ,

выраженному локативом (напр., англ.: hand in hand соотв.: лат.: roku roka 'совместно', англ.: a bird in the bush 'обманчивая мечта', лат.: vējš durvīs 'затруднительное положение').

3. Идиомам латышского языка с формулой Pgr + N соответствуют идиомы английского языка с формулами Pgr + N и Pgr + Art + N (напр., англ.: till doomsday соотв. лат.: līdz pastardienai 'до второго пришествия', англ.: on the cuff 'I) в долг, 2) без подготовки, не обдумав', лат.: uz krīta 'в долг').

Анализируя грамматические дистрибутивные формулы именных идиом в английском и латышском языках, можно сделать следующие выводы.

1. В английском языке 1077 именных идиом образованы по 140 грамматическим дистрибутивным формулам, в латышском языке 196 именных идиом образованы по 48 формулам.

2. 3I формула является одинаковой для обоих языков. В английском языке 3I формула составляет 21,70% всех формул, в латышском - 65,10%.

Очень важно отметить, что в обоих языках эта 3I формула охватывает самое большое количество именных идиом: в английском языке - 89,30% от общего количества, в латышском - 93%, т.е. на 3,70% больше, чем в английском.

3. В английском языке из 1077 именных идиом 668 являются субстантивными, т.е. 62,03% общего количества, 50 - адъективными, т.е. 4,65%, и 359 - адвербиальными, т.е. 33,45% общего количества именных идиом. В латышском языке из 196 идиом 113 является субстантивными, т.е. 57,60% общего количества, 12 - адъективными, т.е. 6,10%, и 71 - адвербиальными, т.е. 36,30% общего количества именных идиом. Следовательно, в обоих языках в составе именных идиом первое место по количеству занимает субстантивные идиомы, второе - адвербиальные; адвербиальные; адъективные идиомы составляют лишь небольшое количество.

Сопоставление полученных процентных данных обоих языков показывает, что в английском языке субстантивных идиом на

4,43 % больше, чем в латышском, адъективных - меньше на 1,45%, адвербиальных - больше на 2,87%.

4. В английском языке из грамматических дистрибутивных формул именных идиом 2 являются одинаковыми для субстантивных, адъективных и адвербиальных, 9 - для субстантивных и адвербиальных, I формула - для субстантивных и адъективных и 7 - для адъективных и адвербиальных. Общее число подобных грамматических дистрибутивных формул 19, они составляют 13,50% общего количества формул именных идиом английского языка. Например, формулу $N^1 + C + N^2$ имеют субстантивные (*December and May* 'старый муж и молодая жена', *a lick and a promise* 'недобросовестное отношение к работе'), адъективные (*bread and butter* 'хлебный') и адвербиальные идиомы (*tooth and nail* 'изо всех сил'), формулу $N^1 + Ppr + N^2$ имеют субстантивные (*leaves without figs* 'пустые слова; пустые обещания', *a fly in amber* 'музейная редкость') и адвербиальные идиомы (*hand to fist* 'рука об руку', *step by step* 'постепенно').

В латышском языке из грамматических дистрибутивных формул именных идиом 2 являются одинаковыми для субстантивных, адъективных и адвербиальных идиом, 3 - для субстантивных и адвербиальных и I формула - для адъективных и адвербиальных идиом. В латышском языке подобных грамматических дистрибутивных формул 6, т.е. 12,50% общего количества грамматических дистрибутивных формул идиом. Например, формулу $Num + N$ имеют субстантивные (*viens rīpis* 'один чёрт'), адъективные (*pirma numura* 'отличный, высшей степени') и адвербиальные (*viēnā mutē* 'в один голос'), формулу $A + N$ - субстантивные (*arsolītā zeme* 'земля обетованная', *sarkanais gailis* 'пожар') и адвербиальные идиомы (*pilnās burāns* 'на всех парусах'). В обоих языках почти одинаков процент (в английском на 1% больше, чем в латышском) грамматических дистрибутивных формул, являющихся одинаковыми для разных видов именных идиом (т.е. субстантивных, адъективных и адвербиальных). В латышском языке не было выявлено ни одной

дистрибутивной формулы, одинаковой только для субстантивных и адъективных именных идиом.

Наглядно эти соотношения иллюстрируются следующей таблицей:

Таблица I

Таблица грамматических дистрибутивных формул, одинаковых для разных видов именных идиом

Грамматическая дистрибутивная формула	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК			ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК		
	Субстан- тивные	Адъектив- ные	Адверби- альные	Субстан- тивные	Адъектив- ные	Адвер- биальные
A^1+C+A^2	+	+	-			
$A+N$	+	-	+	+	-	+
$A+Prp+N$				-	+	+
$A+Prp+Art+N$		+	+			
$Art+A+N+Prp+N^2$	+	-	+			
N^1+C+N^2	+	+	+	+	+	+
$N^1+N^2+C+N^3$	+	-	+			
$N^1+Prp+N^2$	+	-	+	+	-	+
$Art+N^1+Prp+Art+N^2$	+	-	+			
N^1+N^2				+	+	+
$Num+N$				+	+	+
$P+A$	+	-	+			
$P+N$	+	+	+			
$P+Prp+Art+N$	+	-	+			
$Part+N$	+	-	+			
$Part+Art+N^1+Prp+Art+N^2$	+	-	+			
$Prp+Art+N$	-	+	+			
$Prp+Art+A+N$	-	+	+			
$Prp+Art+A+N^1+Prp^2+Art+N^2$	-	+	+			
$Prp+C+Prp$	-	+	+			
$Prp+N$	-	+	+			
$Prp+N^1+C+N^2$	-	+	+			

5. Как в английском, так и в латышском языках первое место по количеству охватываемых ими идиом занимают одинаковые грамматические дистрибутивные формулы именных идиом.

Наибольшее число английских и латышских именных идиом образовано по дистрибутивным формулам $A+N$ ($Art + A + N$) - в английском языке 26,70% (напр., *hot air* 'болтовня', *the Arabian bird* 'уникум'), в латышском - 13% (напр., *melnā Berta* 'тюремная карета', *melnās miesās* 'в поте лица'); $N^1 + N^2$ ($Art+N^1 + N^2$) - в английском 15,60% (напр. *Joe Miller* 'старая шутка, избитый анекдот', *a mare's nest* 'иллюзия, заблуждение'), в латышском 33% (напр., *pīlīšu pūtāje* 'лгун', *deguna galā* 'под носом, на носу'); $Prp + N$ ($Prp + Art + N$) - в английском 15,80% (напр., *to boot* 'в придачу', *in a crack* 'мгновенно, тотчас же'), в латышском 7,50% (напр., *uz pusgata* 'середина на половину', *uz zaķa* 'на фуфу').

В английском языке именных идиом с формулой $A + N$ на 13,70% больше, чем в латышском языке, и с формулой $Prp + N$ ($Prp+Art+ N$) - на 8,30%; а в латышском языке именных идиом с формулой $N^1 + N^2$ на 17,20% больше, чем в английском языке.

6. В обоих языках наибольшее количество субстантивных идиом имеют одни и те же формулы - $A + N$ и $N^1 + N^2$. В английском языке субстантивные идиомы с формулой $A + N$ составляют 42,85% всего числа субстантивных идиом, в латышском языке - 21%, в английском языке идиомы с формулой $N^1 + N^2$ составляют 21,25% всего числа субстантивных идиом, в латышском - 54%. Таким образом, в английском языке субстантивных идиом с формулой $A + N$ на 21,85% больше, чем в латышском языке, субстантивных же идиом с формулой $N^1 + N^2$ в латышском языке на 22,75% больше, чем в английском.

7. Что касается адвербиальных идиом в обоих языках, то формула $Prp + N$ ($Prp+Art+N$) охватывает самое большое их количество: а в английском языке - 45,10% (напр., *to boot* 'впридачу', *in a tick* 'моментально'), в латышском - 21% (напр., *līdz ausīm* 'по уши', *uz rāviēna* 'сразу'), т.е. в английском языке их на 24,10% больше, чем в латышском языке.

8. Из дистрибутивных формул адъективных идиом $A + Prp + N$ ($A + Prp + Art + N$) охватывает самый большой процент идиом в английском языке - 36% (напр. *light in hand* 'податливый', *lame under the hat* 'глупый, несообразительный'), второе место занимает формула $Prp + N$ ($Prp + Art + N$) (напр., *below ground* 'умерший, скончавшийся', *on the ball* 'расторопный, шустрый'), которая охватывает 16%. В латышском языке самое большое количество адъективных идиом охватывает формула $Part + A^1 + Part + A^2$ (напр., *ne šķilts, ne perēts* 'ни то ни сё; ни рыба ни мясо') - 25,20%.

9. В обоих языках грамматические дистрибутивные формулы, которые занимают первые места по количеству охватываемых ими именных идиом, являются малокомпонентными, а именно двухкомпонентными (в латышском языке - только двухкомпонентными, в английском - также трехкомпонентными, так как в их состав может входить артикль).

II. Грамматические дистрибутивные формулы глагольных идиом

Следует отметить, что в латышском языке глагольные идиомы с формулой $V + N$ (напр., *gāzt kalnus* 'горы сворачивать', *saiet dēlī* 'пойти прахом; пойти кувyrком') могут соответствовать глагольным идиомам как с формулой $V + N$ (напр. *stand buff* 'оказать решительное сопротивление', *cut ice* 'иметь вес, влияние, значение'), так и с формулой $V + Art + N$ (напр., *lash the waves* 'заниматься бесполезным делом', *hit the hay* 'идти спать') в английском языке, а глагольные идиомы латышского языка с формулой $V + Prp + N$ (напр., *ķerties pie salmiņa* 'хвататься за солсминку', *noturētis virs ūdens* 'преодолеть трудности, затруднения, препятствия') глагольным идиомам английского языка как с формулой $V + Prp + N$ (напр., *catch at shadows* 'гоняться за призраками', *go to Canossa* 'пойти в Каноссу'), так и с формулой $V + Prp + Art + N$ (напр., *strain at a gnat* 'быть мелочным', *cry for the moon* 'желать, требовать невозможного').

Анализируя грамматические дистрибутивные формулы глагольных идиом, можно сделать следующие выводы.

1. В английском языке 784 глагольные идиомы образованы по 130 формулам, в латышском языке 270 глагольных идиом образованы по 39 формулам.

2. 20 формул являются одинаковыми для глагольных идиом обоих языков. В английском языке по отношению к общему количеству формул (140) 20 формул составляют 15,40%, в латышском - 51,30% (общее количество формул - 48).

В обоих языках эти формулы охватывают самое большое количество глагольных идиом: в английском языке 80,52%, в латышском - 94,4%, т.е. на 13,93% больше, чем в английском.

3. Как в английском, так и в латышском языках первые места по количеству охватываемых ими глагольных идиом занимают одинаковые грамматические дистрибутивные формулы.

Наибольшее количество глагольных идиом образовано по дистрибутивным формулам $V+N$ ($V + Art + N$) - в английском 35,29% (напр., *hang fire* 'мешкать, медлить', *pay the fiddler* 'нести расходы'), в латышском 42,60% (напр., *sacelt spuras* 'ошестиниться', *nošaut buku* 'дать промах') и $V + Prp + N$ ($V + Prp + Art + N$) - в английском 19,27% (напр., *sup with Pluto* 'умереть', *rise at a feather* 'рассердиться из-за пустяка'), в латышском 11,86% (напр., *noiet no grauda* 'сбиться с панталыку', *atdusēties uz lauriem* 'почить на лаврах').

В латышском языке глагольных идиом с формулой $V + N$ на 7,31% больше, чем в английском, а в английском языке с формулой $V + Prp + N$ ($V + Prp + Art + N$) на 7,41% больше, чем в латышском языке.

В английском языке глагольные идиомы с формулами $V + n$ и $V + Prp + N$ составляют 54,56%, в латышском языке - 54,46% общего количества глагольных идиом. Как видно, в обоих языках идиомы, построенные по этим формулам, распространены в одинаковой степени.

4. В обоих языках грамматические дистрибутивные формулы, которые занимают первые места по количеству охватываемых ими глагольных идиом, являются малокомпонентными (как и именные идиомы).

Таблица 2

Таблица грамматических дистрибутивных формул, одинаковых для глагольных идиом английского и латышского языков

№ п/п	Грамматическая дистрибутивная формула	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК	
		Количество идиом	В % к общему количеству глагольных идиом	Количество идиом	В % к общему количеству глагольных идиом
1.	V + A	14	1,79	2	0,74
2.	V + D	12	1,53	4	1,48
3.	V+N(V+Art+N)	276	35,29	115	42,6
4.	V+A+N+(V+Art+A+N)	53	6,77	24	8,89
5.	V+N+D(V+Art+N+D)	4	0,51	3	1,11
6.	$V+N^1+N^2(V+Art+N^1+N^2)$ $(V+N+Art+N^2)$	15	1,92	25	9,26
7.	V + Num + N	4	0,51	4	1,48
8.	V+P+N(V+Art+P+N)(V+P+Art+N)	6	0,77	3	1,11
9.	V+Prp+N(V+Prp+Art+N)	151	19,27	32	11,86
10.	$V^1+N+V^2_{inf}(V^1+Art+N+V^2_{inf})$	3	0,38	2	0,74
11.	$V+N^1+Prp+N^2(V+Art+N^1+Prp+N^2)$ $(V+N^1+Prp+Art+N^2)$ $(V+Art+N^1+Prp+Art+N^2)$	52	6,64	15	5,56
12.	V+Prp+A+N(V+Prp+Art+N)	27	3,45	6	2,22
13.	$V+Prp+N^1+N^2$	3	0,39	4	1,48
14.	V+Prp+Num+N	3	0,39	4	1,48
15.	$V+N^1+P+N^2(V+Art+N^1+P+N^2)$	1	0,13	2	0,74
16.	V+Part+Prp+N(V+Part+Prp+Art+N)	1	0,13	2	0,74
17.	V+Prp+P+N(V+Prp+Art+P+N)	1	0,13	3	1,11
18.	$V+Prp+N^1+C+N^2$	2	0,26	1	0,37
19.	$V+N^1+Prp+P+N^2$ $(V+Art+N^1+Prp+P+N^2)$	1	0,13	3	1,11
20.	$V+Num^1+N^1+Prp+Num^2+N^2$	1	0,13	1	0,37

В с е г о :

630

80,52

254

94,45

Контрольная выборка идиом из произведений
Дж.Линдсея и А.Упита

Чтобы проверить достоверность приведенных выше результатов исследования, было проделано контрольное сопоставительное исследование близких по тематике художественных текстов обоих языков - с одной стороны трех романов Дж.Линдсея "Betrayed Spring", "Choice of Times" и "The Moment of Choice", с другой - романа А.Упита "Plaisa makopos" ("Прометей в тучах"). Как английский, так и латышский тексты длиной примерно в 400.000 слов. В английском тексте выявлено 72 идиомы с частотой употребления 102 (29 именных идиом с частотой употребления 44 и 43 глагольных идиомы с частотой употребления 56). В материале латышского языка выявлено 67 идиом с частотой их употребления 212. (31 именная идиома с частотой употребления 83 и 36 глагольных идиом с частотой употребления 129).

У Дж.Линдсея из 72 идиом 14 имеет формулу $V+N(V+Art+N)$ (19,40% общего количества идиом) с частотой употребления 20 (19,60%), 8 - $V+Prp+N(V+Prp+Art+N)$ (11,10%) с частотой 14 (13,80%), 5 - $A+N(Art+A+N)$ (6,90%) с частотой 8 (7,90%), 5 - $N^1+N^2(N^1+Art+N^2)$ (5,90%) с частотой 5 (4,90%), 4 - $V+Prp+N(V+Prp+Art+N)$ (5,60%) с частотой употребления 5 (4,90%), 3 формулы представлены тремя идиомами, 4 - двумя и 19 формул - одной идиомой.

У А.Упита 23 идиомы имеют формулу $V+N$ (35,5% общего количества идиом) с частотой употребления 104 (49% частотности) 7 - N^1+N^2 (10,50%) с частотой употребления 17 (8,10%), 5 - $A+N$ (7,50%) с частотой употребления 4 (1,90%), 5 - $Prp+N^1+N^2$ (7,50%) с частотой употребления 9 (3,80%), 2 формулы представлены тремя идиомами, 6 формул - двумя идиомами и 9 формул - одной идиомой.

Можно сделать вывод, что и у Дж.Линдсея и у А.Упита глагольные идиомы с формулами $V+N$ и $V+Prp+N$ занимают по количеству первые места среди глагольных идиом.

У Линдсея формулы $V+N(V+Art+N)$ и $V+Prp+N(V+Prp+Art+N)$ охватывают более половины, т.е. 67,42% общего количества глагольных идиом (частота употребления 75,50%); в латышском языке эти же формулы охватывают также больше половины, т.е. 72,22%, общего количества глагольных идиом (на 4,80% больше, чем в английском языке), частота употребления этих формул 65,27% (на 9,77% больше, чем в английском языке).

Что касается именных идиом, то у Линдсея формулы $A+N$ ($A+Art+N$), $N^1+N^2(N^1+Art+N^2)$, $N^1+Prp+N^2(N^1+Prp+Art+N^2)$, $Art+N^1+Prp+N^2$ охватывают 68,95% общего количества идиом (частота употребления этих формул 79,48); у Упита эти формулы охватывают лишь 45,20% общего количества именных идиом (частота употребления 37,50); формула $Prp+N^1+N^2$ охватывает 16,20% идиом (частота 10,90%), а формула $Prp+P+N$ только 3,2% при частоте 16,90%.

Результаты исследования романов Дж. Линдсея и романа А. Упита показаны в таблицах 3 и 4.

Достоверность данных, полученных в результате исследования грамматических дистрибутивных формул идиом английского языка из Англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина и грамматических дистрибутивных формул идиом латышского языка из различных названных выше источников подтверждаются результатами исследования двух рассмотренных выше контрольных текстов. Как одно, так и другое исследование позволяет сделать вывод, что наибольшее количество идиом в обоих языках является двухкомпонентным или трехкомпонентным, и одинаковые формулы идиом в обоих языках охватывают большинство именных ($A+N$, N^1+N^2 и $N^1+Prp+N^2$) и глагольных идиом ($V+N$ и $V+Prp+N$).

Таблица 3

А. Частота употребления грамматических дистрибутивных формул
именных идном в романах Дж. Линдсея и в романе А. Упита

№ п.п.	Грамматическая дистрибутивная формула	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК				ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК			
		Количество	В % к общему кол-ву	Кол-во употребл.	В % к общему кол-ву употребл.	Количество	В % к общему кол-ву	Кол-во употр.	В % к общему кол-ву употр.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	A+N Art+A+N	5 $\frac{1}{6}$	20,70	8 $\frac{1}{9}$	20,41	5	16,2	4	4,9
2.	$N^1 + Prp + N^2$ $N^1 + Prp + Art + N^2$ $Art + N^1 + Prp + N^2$	2 3 $\frac{1}{6}$	20,70	10 5 $\frac{1}{16}$	36,36	2	6,5	10	12,1
3.	$N^1 + N^2$ $N^1 + Art + N^2$	3 2 8	27,55	5 5 $\frac{2}{10}$	22,71	7	22,5	17	20,5
4.	Prp+Num+N	1	3,45	1	2,28	1	3,2	7	8,5
5.	A+Prp+N A+Prp+Art+N	1	3,45	1	2,28	1	3,2	2	2,4
6.	$Prp^1 + N^1 + Prp^2 + N^2$	1	3,45	1	2,28	1	3,2	5	6,0
7.	$Prp + N^1 + C + N^2$ $Prp + Art + N^1 + C + Art + N^2$	1 1	3,45	1 1	2,28	1	3,2	2	2,4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
8.	$N^1 + C + N^2$	1	3,45	1	2,28	-		-	
9.	$N^1 + N^2 + C + N^2$	1	3,45	1	2,28	-		-	
10.	$Prp + A + C + A$	1	3,45	1	2,28	-		-	
11.	$A + Prp + Art + P + N$	1	3,45	1	2,28	-		-	
12.	$Prp^1 + N^1 + C + Prp^2 + N^2$	1	3,45	1	2,28	-		-	
13.	$Prp + N^1 + N^2$	-		-		5	16,2	9	10,9
14.	$Prp + N$	-		-		2	6,5	5	6,0
15.	$Prp + A + N$	-		-		2	6,5	2	2,4
16.	$Part + A^1 + Part + A^2$	-		-		1	3,2	2	2,4
17.	$A^1 + C + A^2$	-		-		1	3,2	2	2,4
18.	$A + N^1 + N^2$	-		-		1	3,2	2	2,4
19.	$Prp + P + N$	-		-		1	3,2	14	16,9
B c e r o:		29	100,00	44		31	100,00	83	100,00

Таблица 4
 Б. Частота употребления грамматических дистрибутивных формул глагольных
 идиом в романах Д. Линдсея и в романе А. Упита

№ п/п	Грамматическая дистрибутивная формула	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК				ЛАТВИЙСКИЙ ЯЗЫК			
		кол-во идиом	В % к общему кол-ву	кол-во употр.	В % к общему кол-бу употребл.	кол-во идиом	В % к общему кол-ву	кол-во употр.	В % к общему кол-бу употребл.
1.	V+N V+Art+N	3 $\frac{14}{17}$	39,52	5 $\frac{20}{25}$	43,07	23	63,9	104	80,62
2.	V+Prp+N V+Prp+Art+N	8 $\frac{4}{12}$	27,90	14 $\frac{5}{19}$	32,73	3	8,32	6	4,65
3.	V+N+N ² V+Art+N ¹ +N ²	1 $\frac{1}{2}$	4,65	1 $\frac{1}{2}$	3,46	3	8,32	4	3,10
4.	V+A+N V+Art+A+N	1 $\frac{2}{3}$	6,98	1 $\frac{2}{3}$	5,18	2	5,56	4	3,10
5.	V+Prp+A+N V+Prp+Art+A+N	2 $\frac{1}{3}$	6,98	2 $\frac{1}{3}$	5,18	2	5,56	3	2,33
6.	V+A	-		-		2	5,56	6	4,65
7.	V+N+D	-		-		1	2,70	2	1,55
8.	V+N ¹ +Prp+N ²	1	2,33	1	1,73	-		-	
9.	V+Art+N ¹ +Prp+Art+N ²	2	4,65	2	3,46	-		-	
10.	V+Prp+Art+N ¹ +N ²	1	2,33	1	1,73	-		-	
11.	V+Prp+Art+P+N	1	2,33	1	1,73	-		-	
12.	V+Prp+N ¹ +Prp+Art+N ²	1	2,33	1	1,73	-		-	
		43	100,00	58	100,00	36	100,00	129	100,00

С о д е р ж а н и е

1. M. Andersone. Dialektismi H. Fildinga un T. Smoleta
romānos 3
2. А. Начисчионе. Некоторые окказиональные изменения
фразеологических единиц в произведениях
Дж. Чосера 23
3. I. Naumova. The Linguistic Status of the noun in
"ing" in Modern English 49
4. J. Raškeviča. Substantives of the sit-in type in
Modern English 77
5. I. Gulāne. Vārdkopas ar darbības vārdu "to make"
angļu-latviešu vārdnīcās (1924-1966) 88
6. A. Treilons. Lietvārdu sufiksu izplatība angļu
valodā 101
7. В. Гуртая. Проблемы консонантизма английского язы-
ка в сопоставлении с латышским языком 112
8. Л. Орловская. Грамматические дистрибутивные фор-
мулы идиом в английском и латышском
языках 131

Ученые записки, том IЭ7

ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
(на русском, латышском и английском языках)

Редактор А.Гендушас

Технический редактор А.Начисчионе

Корректор А.Начисчионе

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1973

Подписано к печати 19.09.1973 ЯТ 1973I Зак. № 749.
Ф/б 60x84/16. Бумага №1. Физ. п. л. 9,5. Уч.-и. л. 7,1
Тираж 400 экз. Цена 45 к.

Отпечатано на ротационной машине, Рига-50, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

LU bibliotāka

200024015

Цена 45 к.

✓ P1-75

197